

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра английской филологии и перевода

КУЛАГОВА Людмила Вадимовна

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ С ВЕНГЕРСКОГО НА
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ)**

Магистерская диссертация

Научный руководитель: д.ф.н., профессор

Ачкасов Андрей Валентинович

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Введение

Данная магистерская диссертация посвящена одной из наиболее спорных проблем переводоведения, а именно проблеме языковых реалий и способов их перевода. Под реалиями следует понимать такие предметы или явления, а также исторические факты, традиции и любые фоновые знания, которые характерны для определенного народа и не могут быть точно переведены в силу того, что они не имеют однозначного соответствия в других языках. В настоящей работе рассматриваются трудности передачи реалий с венгерского языка на английский на материале произведений венгерской художественной литературы и их переводов на английский язык.

Следует отметить, что вопрос передачи реалий при переводе всегда был одним из наиболее обсуждаемых как среди теоретиков, так и практиков перевода. Однако окончательно решенным его по-прежнему считать нельзя. **Актуальность** настоящего исследования объясняется также тем, что мы рассматриваем данную проблему в контексте венгерского и английского языков. Исследования реалий для данной пары языков практически не проводились. Среди работ, посвящённой этой проблеме, можно назвать, например, статью Э. Тэрэштени и статью Э. Хонти. Особую значимость приобретают вопросы, касающиеся выбора подхода к переводу данных, по большей части непереводаемых единиц в рамках более широкой проблемы, а именно перевода безэквивалентной лексики, что в свою очередь является одним из аспектов проблемы эквивалентности текста оригинала и текста перевода. **Новизна** настоящего исследования заключается в том, что в данной работе впервые изучаются переводы венгерских художественных произведений на английский язык.

Практическая значимость настоящего исследования определяется возможностью применения результатов непосредственно при осуществлении перевода произведений художественной литературы. Работа может

послужить в качестве теоретической базы для переводчиков венгерской литературы как на английский, так и русский языки.

Выбор пары языков определяется тем, что культура перевода венгерских художественных произведений на английский язык в какой-то мере шире, чем на русский. Практически все классические произведения переведены на английский, кроме того, современные английские и американские переводчики активно занимаются переводом произведений венгерских нобелевских лауреатов. Именно поэтому поле для исследования на базе английских переводов венгерской литературы может дать больше результатов.

Объектом нашего исследования является перевод безэквивалентной лексики, а именно, перевод реалий. **Предмет** исследования — способ передачи реалий как средство сохранения венгерского национального, культурного и исторического колорита.

Целью нашего исследования является выявление основных тенденций передачи особенностей венгерской культуры и языковой картины мира при переводе венгерских художественных произведений на английский.

Для достижения данной цели нами были поставлены следующие задачи:

- 1) дать определение понятию «реалия»;
- 2) определить роль реалий в создании культурного фона художественного произведения;
- 3) изучить типичные методы передачи культурных особенностей;
- 4) проанализировать способы передачи культурных особенностей при переводе на материале венгерских художественных произведений;
- 5) выявить устоявшиеся варианты перевода реалий;
- 6) изучить и проанализировать окказиональные варианты перевода реалий;
- 7) выявить основные тенденции передачи картины мира венгерского народа при переводе литературы на английский язык.

Основными методами, используемыми в нашей работе, будут **сравнительно-сопоставительный и переводческий анализы**.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка научной литературы, списка источников, списка лексикографических словарей и двух приложений.

Источниками языкового материала для данной работы послужили произведения Адама Бодора «Зона Синистра», Иштвана Галла «Солнцелюб», Мора Йокаи «Золотой человек», «Сыновья человека с каменным сердцем» и переводы этих произведений на английский язык (в количестве 937 страниц венгерского текста и 812 страниц английского текста). Выборка из художественных произведений представлена во второй главе. Полный список примеров приведён в приложении.

В настоящем исследовании мы будем опираться на теоретический материал, посвященный проблеме безэквивалентной лексики. В частности, данной проблемой занимались следующие отечественные авторы: А. О. Иванов, Я. И. Рецкер, Л. С. Бардухаров, Г.Д. Томахин, Л.К. Латышев. Проблемы соотношений языка и культуры рассматриваются в работах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. Из иностранных исследователей, внесших вклад в изучение этого вопроса, можно назвать Ю. Найдю, Дж. Кэтфорда.

Работа прошла **апробацию** на студенческой научной конференции, состоявшейся 21 апреля 2017 года.

Глава 1. Реалия как лингвистическое явление

1. **Функциональная теория перевода**

В XX веке по всему миру наблюдается подъём лингвистики как науки, в частности развивается направление, которое занимается вопросами перевода. Сильное влияние на переводоведение оказал лингвистический структурализм, основателем которого считается Фердинанд де Соссюр. Вслед за Пражским лингвистическим кружком, одним из ведущих центров лингвистического структурализма, предложившим рассматривать язык как часть общей истории народа и его культуры и учитывать при переводе экстралингвистические факторы, теоретик перевода Ю. Найда отметил два важных разногласия между основными тенденциями перевода — выбор между буквальным и свободным переводом, акцент на форме или содержании [Найда, 1964, с. 22]. Исходя из этого, он предложил выделять формульную и динамическую эквивалентность. Формальная эквивалентность соответствует букальному переводу и не предполагает отклонений от текста оригинала. Это значит, что, выбирая эту тенденцию, переводчик обязан сохранить в переводе порядок слов, членение предложений, части речи оригинала. Такой перевод может применяться в качестве подстрочника и используется переводчиками для определённых переводческих целей. Динамическая эквивалентность ориентирована на получателя текста, то есть носителя ПЯ. В данном случае основной задачей перевода является вызвать у рецептора такую же реакцию, которую вызывают у носителя ИЯ оригинальные высказывания или оригинальный текст. Другими словами, Ю. Найда считал, что задачей перевода является создание «наиболее близкого естественного эквивалента» на ПЯ. Однако идея Ю. Найды о том, что текст на ПЯ должен вызывать одинаковую реакцию у носителей разных языков, подвергалась критике, в частности, со стороны Питера Фосетта, вследствие чего Ю. Найда в более поздних работах вместо термина «динамическая эквивалентность» употребляет термин «функциональная эквивалентность», который уже не подразумевает равенства между реакциями реципиентов-носителей разных языков, однако на первый план выдвигает задачу создания

текста, который сможет ознакомить получателя перевода с тем, как воспринимают данный текст носители языка оригинала.

Идея динамической, или функциональной эквивалентности получила дальнейшее развитие в функциональной теории перевода. Функциональная теория перевода, или теория скопоса возникла в Германии. Основателями данной теории считаются К. Райс и Г. Фермеер, которые выдвинули идею о том, что перевод подразумевает адаптацию в зависимости от цели и функции перевода. Раньше теоретики выступали за то, что в процессе перевода не должны теряться значения составляющих оригинального текста, то есть, по их мнению, перевод должен точно соответствовать букве подлинника. Теория скопоса, в свою очередь, опирается на понятие функции текста, что позволяет переводчику использовать текст ИЯ в качестве материала для создания текста ПЯ, тем самым вносить в перевод трансформации, которые позволят адресату лучше понять информативную сторону сообщения, в частности, если речь касается экстралингвистических знаний, которые требуют пояснения для того, чтобы быть понятыми носителями ПЯ. Теоретики, поддерживающие такой подход к проблеме перевода, считают переводчика экспертом, который вправе выбирать, с какой целью он будет предпринимать определённые переводческие действия и какую роль в его переводе будет играть оригинальный текст [Venuti, 2005, с. 228]. Функциональная теория перевода исходит из того, что перевод нацелен на практическое применение, другими словами, основная задача данного подхода — передать ситуацию, достичь цели коммуникации.

Учитывая, что теория скопоса подчёркивает связь языка и культуры, а, следовательно, рассматривает перевод как межкультурный трансфер, а переводчика не только как специалиста, владеющего ИЯ и ПЯ, но также как и эксперта по межкультурным вопросам, стоит отметить, что идеи функциональной теории перевода во многом способствуют решению сложностей, возникающих в частности при переводе художественной литературы.

Итак, на раннем этапе становления переводоведения «Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [Бардухаров, 1974, с. 11]. Коммуникативно-функциональный подход к переводу, в свою очередь, предполагает иное понимание перевода, а именно «...перевод можно определить как вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создаётся текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причём его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении» [Комиссаров, 1990, с 44 – 45]. Таким образом, функциональная теория перевода позволила исследователям по-новому взглянуть на процесс перевода — отойти от идеи точного и полного перевода и рассматривать переводной текст скорее как функциональный эквивалент подлинника.

2. Особенности художественного перевода

Перевод художественного произведения отличается от перевода нехудожественного текста, прежде всего тем, что, художественный перевод, как пишет Т. А. Казакова, «предполагает творческое преобразование подлинника с использованием всех необходимых выразительных возможностей переводящего языка» [Казакова, 2002, с. 6].

«Преобразование подлинника» подразумевает, что художественный перевод является особым текстом и даже отдельным произведением, созданным на основе подлинника, иными словами, здесь мы по большей части говорим о переводе как о функциональном аналоге текста ИЯ. «Художественный текст непереволим с точки зрения однозначности соответствия: его языковые элементы не могут быть объективно замещены аналогичными элементами переводящего языка, поскольку в разных языках знаковые отношения не совпадают, а значит, чаще всего не совпадают и художественные функции этих отношений» [Казакова, 2002, с. 13].

Фактически, главная идея художественного перевода основывается на функциональной теории перевода, в задачи которой входит обеспечение межъязыковой коммуникации, при которой текст на ПЯ мог бы выступать в качестве адекватной замены подлиннику и не допускать нарушений норм ПЯ.

Прагматико-функциональный подход, лежащий в основе любого перевода, включает в себя анализ исходного текста, выявление описываемой ситуации, поиск функционально-адекватных замен для передачи функции, которую автор предполагал для получателя ИЯ, осуществление адекватного перевода. Художественный перевод отличается тем, что помимо функции текст на ПЯ должен стараться передать художественно-выразительными средствами ПЯ стиль подлинника, манеру повествования, средства художественной выразительности и другие литературные особенности оригинала.

Значение слова в словаре и его значение в тексте отличаются. Тем более это касается реализации слов в художественном произведении, где языковые знаки могут выполнять особые художественные функции, например, им может придаваться метафоричность, зачастую непереводимая на другие языки.

Художественный перевод, по сути, обладает особыми законами эквивалентности оригиналу. Как пишет В. С. Виноградов, «перевод может ... лишь бесконечно сближаться с подлинником. И не более» [Виноградов, 2001, с. 24]. Достигаемая с помощью переводческих стратегий эквивалентность скорее относительна. Она объясняется культурными, социальными, историческими различиями между восприятием носителей разных языков, языковыми различиями, а кроме того, субъективностью восприятия текста подлинника переводчиком. Последнее является объяснением появления переводов одного и того же произведения, отличных друг от друга. Эквивалентность воздействия оригинала и перевода на реципиента, о которой говорил Ю. Найда, ещё более относительна.

Таким образом, при осуществлении художественного перевода переводчик стремится создать новый текст, который является скорее подобием подлинника. Создание функционального аналога предполагает передачу как функции, так и художественности текста оригинала с использованием художественно-выразительных средств ПЯ.

3. Стратегии художественного перевода

Перевод художественного произведения, безусловно, нацелен на носителей ПЯ. Но в зависимости от поставленных задач, переводчик может делать выбор в пользу той или иной переводческой стратегии. В связи с этим принято говорить о доместикации и форенизации. Эти понятия были введены в употребление американским теоретиком перевода Лоуренсом Венутти.

Говоря об этих стратегиях, Л. Венутти приводит суждение теолога и философа Фридриха Шлейермахера, по мнению которого, в случае, когда переводчик прибегает к стратегии доместикации, он делает текст более доступным для читателя, но тем самым отдаляется от автора. Выбирая стратегию форенизации, переводчик приближает перевод к подлиннику, но делает его менее доступным носителю ПЯ [Venutti, 1995, с. 20]. Таким образом, доместикация включает в себя адаптацию текста подлинника к действительности мира реципиента посредством нивелирования культурного, исторического колорита подлинника, например, с помощью замены культурно-маркированных лексических единиц, отражающих особенности мира носителей ИЯ, неизвестных другим народам, на более понятные единицы, денотаты которых знакомы реципиентам, являющимся носителями другого языка и другой культуры. Форенизация же предполагает сохранение особенностей культуры и истории народа, отражённых в подлиннике, для обозначения контраста между исходной и принимающей культурой. Однако второй подход значительно усложняет восприятие текста реципиентами ПЯ, требует от переводчика снабжение переводного текста сносками и

примечаниями, объясняющими неизвестные в принимающей культуре предметы, явления и события.

Выбор стратегии проявляется в решениях, принимаемых переводчиком на уровне лексики, то есть в частности относительно таких языковых единиц, которые не имеют соответствия в принимающей культуре, например, культурно-маркированной лексики. Если переводчик делает выбор в пользу сохранения иностранного звучания безэквивалентных единиц, то есть, например, переносит их в переводной текст с помощью транскрипции или транслитерации, то весь текст будет в большей степени передавать национальную специфику.

С другой стороны, возникает проблема восприятия такого текста. Если реципиент знаком с национальными особенностями страны, с языка которой сделан перевод, то иностранные языковых единиц, перенесённые переводчиком в текст на ПЯ, могут быть ему даже знакомы. В таком случае, передачу национальной специфики посредством транскрипции или транслитерации можно считать удачной, поскольку получатель текста считывает необходимые значения слов, представленных в тексте на ПЯ в своём иностранном фонетическом звучании. В противном случае, то есть если переводимое произведение отражает национальный колорит страны, о которой у реципиента не имеется фоновых знаний, иностранное фонетическое звучание не будет иметь смысла для получателя текста, потому что ему не будут очевидны все вложенные в данное понятие значения. По сути, незнакомый набор фонем будет только осложнять понимание текста. Естественно, такие безэквивалентные лексические единицы должны быть объяснены либо в самом тексте, либо в сносках и приложениях, что способствует знакомству читателя с культурой другого народа. Тем не менее, остаётся вопрос, насколько адекватно может комментарий передать все значения иностранной безэквивалентной единицы, а также ассоциации, которые возникают у носителей ИЯ, когда они употребляют данную единицу. Очевидно, что объяснение любой культурно-маркированной лексической

единицы должно сопровождаться целым экскурсом в культуру, историю и традиции другого народа.

Выбирая стратегию доместикации и сталкиваясь с переводческими сложностями, переводчик делает выбор в пользу замены единиц, отражающих особенности мира носителей ИЯ, от чего весь текст теряет национальный, культурный и исторический колорит оригинала, но в более доступной форме передаёт суть произведения реципиентам ПЯ.

Таким образом, выбор минимальных языковых знаков в большой степени определяет стратегию перевода. Доместикация представляет собой адаптацию иностранного текста к культурным ценностям ПЯ, в то время как форенизация заключается в подчеркивании лингвистических и культурных отличий иностранного текста.

4. Эквивалентность

Дж. Кэтфорд пишет, что перевод можно определить как замену текстового материала на ИЯ эквивалентным текстовым материалом на ПЯ. [Catford, 1965, с. 20].

«Эквивалентом следует считать постоянное равнозначное соответствие, которое для определенного времени и места уже не зависит от контекста» [Рецкер, 1950, с. 157]. Российский лингвист Я. И. Рецкер разделяет эквиваленты на полные и частичные, абсолютные и относительные. Полный эквивалент целиком покрывает значение однозначного слова, в то время как частичный эквивалент передаёт одно из возможных значений, игнорируя «побочные». Не стоит путать частичные эквиваленты с многозначными словами, которые наряду с эквивалентными соответствиями могут иметь ряд вариативных соответствий для передачи некоторых своих значений, например, значений узкоспециализированных терминов. Если слова двух языков соответствуют друг другу не только в смысловом отношении, но также и в стилистическом, то можно говорить о них как об абсолютных эквивалентах. Чем ярче стилистическая окраска слов,

тем сложнее полностью передать их значение на иностранный язык, значит, такие слова будут являться относительными эквивалентами. К данному типу могут также относиться такие единицы БЭЛ как фразеологизмы [Рецкер, 2007, с. 15].

Достижение максимального соответствия двух текстов подразумевает эквивалентность на разных уровнях. А. О. Иванов выделяет следующие уровни эквивалентности:

- уровень простых языковых знаков (слова/словосочетания),
- уровень высказывания,
- уровень сообщения,
- уровень описания ситуации,
- уровень цели коммуникации [Иванов, 2006, с. 21].

Максимальное соответствие между текстами возможно, если эквивалентность будет достигнута на самом высоком уровне, то есть уровне простых языковых знаков, и, соответственно, автоматически на всех нижестоящих уровнях. Уровень цели коммуникации — минимальный уровень эквивалентности. На практике достичь эквивалентности на уровне простых языковых знаков не всегда возможно из-за исторических, грамматических и прочих отличий между языками [Иванов, 2006, с. 21].

Именно поэтому в основе практики перевода лежит функциональная эквивалентность. Согласно Кэтфорду, она сводится не к равенству или соответствию значений языковых единиц на разных уровнях, а к взаимозаменяемости текста подлинника и текста перевода [Catford, 1965, с. 94]. Иными словами, при осуществлении перевода с целью достижения максимальной эквивалентности переводчик должен выбирать тактику, которую он будет использовать для решения конкретной переводческой задачи. Это, безусловно, подразумевает стремления достижения эквивалентности на всех возможных уровнях, тех уровнях, которые важны для данного текста и соответствуют цели перевода.

5. Безэквивалентная лексика

В книге, посвящённой реалиям-американизмам, Г. Д. Томахин приводит следующее определение безэквивалентных слов: «Безэквивалентными являются слова, служащие для выражения понятий, которые отсутствуют в иной культуре и, как правило, не переводятся на другой язык одним словом, не имеют эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [Томахин, 1988, с. 5].

При сравнении языков, в особенности языков, относящихся к различным языковым группам, а также при сравнении культур народов, говорящих на этих языках, можно выделить совпадающие или схожие по смыслу элементы, которые могут иметь соответствие в другой культуре. Однако вместе с тем выделяется пласт понятий, которые не характерны для другого народа и не могут быть им поняты без определённого исторического и культурного контекста. Такие понятия принято называть единицами безэквивалентной лексики (в дальнейшем мы будем пользоваться аббревиатурой БЭЛ), одну из групп которых составляют реалии, или единицы культурно-маркированной лексики.

Трудности передачи реалий, несомненно, являются важнейшим вопросом теории перевода в рамках проблемы безэквивалентной лексики. Будучи частью проблемы непереводаемого, безэквивалентная лексика представляет собой один из аспектов проблемы эквивалентности перевода. Под эквивалентностью следует понимать «наименование всевозможных отношений типа равенства (...) Эквивалентность объектов означает их равенство в каком-либо отношении» [Философская Энциклопедия, 1960-1970]. Однако, применительно к лингвистике и переводоведению, следует различать понятия эквивалентности и тождества. Эквивалентность в отношении рассматриваемой проблемы подразумевает возможность употребления слова или выражения одного языка для передачи его (их) значения на другом языке, при этом не происходит абсолютной передачи плана содержания и прагматического значения. Понятие тождества

определяется как «пределный случай равенства объектов» [Философский энциклопедический словарь, 1983]. И хотя по поводу определения последнего понятия ведутся споры, в настоящей работе мы будем придерживаться именно приведенного определения тождества.

Как отмечает Л.С. Бархударов, «все типы семантических соответствий между лексическими единицами двух языков можно свести к трём основным:

- полное соответствие;
- частичное соответствие;
- отсутствие соответствия» [Бархударов, 1974, с. 74].

Безэквивалентность, безусловно, затрагивает семантические соответствия последней категории и касается таких лексических единиц, которые по какой-то причине не имеют лексических соответствий в другом языке. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров определяли безэквивалентную лексику как «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующие в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т.е. к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре В, а также слова, не имеющие перевода на другой язык, одним словом, не имеют эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [Верещагин, 1990, с. 53].

К этой группе относятся труднопереводимые или же неперевоаемые единицы языка. Мы уже упоминали, что сюда входят реалии. Однако помимо них, можно также отметить фразеологизмы и идиомы. Тем не менее, А. О. Иванов обращает внимание на то, что, употребляя термин «безэквивалентная лексика», многие учёные, прежде всего, подразумевают под ним именно реалии, поскольку они, пожалуй, составляют значительный пласт безэквивалентной лексики и вызывают сложности как для переводчика при передаче значения, так и для читателя при восприятии [Иванов, 2006, с. 156].

Непереводимость безэквивалентных лексических единиц обусловлена недостаточными фоновыми знаниями об истории и культуре определённого народа. Как правило, при передаче безэквивалентных единиц возникают

следующие сложности. Во-первых, переводчик художественной литературы должен решить, как переводить безэквивалентную лексическую единицу в случае, если сам референт, обозначаемый данной единицей, отсутствует в принимающем языке.

Во-вторых, некоторые лексические единицы, которые, казалось бы, просто перевести на ПЯ, поскольку они фигурируют в двуязычных словарях, тем не менее, теряют национальную окраску, оказываясь в контексте другого языка. Это происходит, потому что отдельные бытовые предметы, которые для многих народов являются общими, в некоторых языках и культурах несут в себе дополнительное значение, ассоциацию, так называемое коннотативное значение, например, отсылают нас к какому-либо историческому периоду. В сознании читателей ПЯ эта «подразумеваемая для носителей ИЯ» информация не возникает, в связи с чем, в частности в переводе художественного произведения, теряется важный компонент культуры носителей ИЯ.

6. Понятие «реалия»

Как уже говорилось выше, реалии составляют один из пластов безэквивалентной лексики, в отношении перевода характеризуются по большей части непереводаемостью на другие языки с помощью постоянного эквивалента.

Перевод реалий всегда вызывал трудности у переводчиков, однако лингвисты принялись за активное изучение этого вопроса лишь в 50-х годах XX века. Именно тогда Л. Н. Соболев употребил термин «реалия» и сформулировал определение данного термина, согласно которому реалиями следует считать такие бытовые и специфически национальные лексические единицы, которые обозначают предметы материальной культуры определённого народа и не имеют эквивалента в языке других народов ввиду отсутствия самих референтов [Соболев, 1952, с. 281].

Термин «реалия» является наиболее часто употребляемым. Однако в литературе можно встретить и другие термины для обозначения данного понятия. При этом стоит отметить, что в основном они не прижились и были вытеснены термином «реалия». Наиболее общим считается термин «безэквивалентная лексика», хотя, как уже говорилось выше, он наряду с реалиями может включать в себя также фразеологизмы и идиомы. Этот термин, например, в своих работах использует Г.В. Чернов. В тоже время И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг употребляют термин «пробел» или «лакуна», говоря о реалии как о ситуации, известной одному, но неизвестной другому народу [Влахов, 1980, с. 37]. Термин «экзотическая лексика», иногда употребляемый наравне с термином «варваризм», обозначает «иноязычное слово», а в некоторых интерпретациях лингвисты уточняют, что это слово происходит из малоизвестных языков или же обозначает явления быта, образа жизни народов [Влахов, 1980, с. 40]. В настоящей работе наряду с термином реалия употребляется термин «культурно-маркированная лексика» или «единица БЭЛ».

Болгарские учёные С. Влахов и С. Флорин привели следующее определение данного понятия. Реалии — это «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) других языках» [Влахов, 1980, с. 47]. Поэтому «данные лексические единицы предоставляют исследователю возможность вычленив культурные коды и культурные установки, веками закрепляемые в языке и отражающие особенности национального сознания и национального мышления того или иного народа, что обуславливает значимость постижения природы реалий не только для лингвистики, но и для иных гуманитарных наук или их самостоятельных течений» [Паревская, 2015, с. 151].

Разумеется, возможность правильно передать и объяснить читателю значения предметов и явлений, а также значимость событий, описываемых в подлиннике, тесно связана с объёмом фоновых знаний реципиента. Фоновые знания — это «совокупность представлений о том, что составляет реальный фон, на котором разворачивается картина жизни другой страны, другого народа» [Фёдоров, 1983, с. 146].

Безусловно, реалии являются частью фоновых знаний, более того, они включают в себя именно те единицы языка, которые наиболее ярко выражают специфику внеязыковой действительности данного народа. Именно здесь прослеживается тесная взаимосвязь реалий с культурой, историей и традициями народа. Следовательно, народы, языки которых относятся к одной языковой группе, или же народы, географически соседствующие друг с другом, в определённый период своей истории с большей вероятностью проходили общий этап развития, нежели народы, которые никогда не контактировали друг с другом. Соответственно, у них будет больше точек соприкосновения, общих фоновых знаний, не говоря уже о вполне возможных лексических и грамматических заимствованиях, проникающих во взаимодействующие друг с другом языки. Примером могут послужить государства Европы, в особенности страны-участницы Евросоюза. Тесное географическое соседство и внедрение одинаковых политических и экономических программ, которые реализуются в рамках организации, во многом сближает эти страны, а это значит, что некоторые предпринятые меры будут лучше известны народам этих стран, нежели народам стран, не проводящих данные политические преобразования. Поэтому, например, некоторые политические реалии будут полностью или частично совпадать во внеязыковой действительности данных народов, и соответственно, иметь вариант перевода на свои языки.

В связи с этим следует упомянуть возможные расхождения в употреблении реалий, которые выявляются посредством сопоставления

различных языков и культур. Г. Д. Томахин предполагает, что можно говорить о следующих группах:

- реалии, свойственные лишь одному языковому коллективу;
- реалии, присутствующие в обоих языковых коллективах, но в одном из них не выделяющиеся отдельно;
- разные реалии, осуществляющие сходные функции;
- сходные реалии, различные функционально [Томахин, 1988, с. 5].

Таким образом, объём понятия «реалия» может варьироваться. Приведённые определения скорее дополняют друг друга, нежели являются взаимоисключающими. Очевидно, что выбор того или иного определения и толкования данного термина напрямую зависит от цели исследования. В настоящей работе мы будем придерживаться самого широкого понимания реалии.

7. Понятие реалии в рамках художественного перевода

Мы уже упоминали, что при переводе может возникнуть такая ситуация, когда слова на ИЯ, встречающиеся в быту различных народов и имеющие аналог в ПЯ, не будут эквивалентны переводу на ПЯ, поскольку в разных культурах референты данных слов могут выглядеть по-разному или иметь иные коннотации. Это особенно актуально для перевода художественной литературы, где можно говорить о реалии как о более широком понятии.

Переводческая деятельность не сводится исключительно к межъязыковому посредничеству, это также и межкультурное посредничество, что ярче всего выражается в художественном переводе. Помимо основной цели, под которой понимается передача текста ИЯ на ПЯ, данный тип перевода ставит и другие задачи, такие как передача стиля и средства художественной выразительности, отражение национального колорита, иными словами, воспроизведение всей художественной действительности, присутствующей в оригинальном тексте.

Отсюда возникает вопрос. Следует ли в рамках художественного перевода считать реалиями слова, которые имеют устоявшийся перевод и, казалось бы, не вызывают никаких сложностей при передаче на другой язык, и вместе с тем, отличаются своим коннотативным значением, то есть в каком-то смысле представляют собой частичные эквиваленты?

К примеру, слово «хлеб» имеет соответствующий перевод во многих языках. Однако референт данной лексической единицы в различных культурах может отличаться, также как и коннотации и ассоциации, связанные с этим словом в сознании носителя языка. Слово «хлеб» венгр ассоциирует с белым хлебом, в то время как для русского хлеб чёрный, кроме того, для последнего он может служить символом бедности и голода.

Отдельное внимание следует уделить и тому факту, что языковые знаки в тексте, в данном случае в художественном тексте, могут иметь более широкое значение по сравнению со своими словарными соответствиями, поскольку при реализации в тексте языковые единицы получают дополнительную окраску, символику. Т.А. Казакова в качестве примера приводит фольклорные тексты, так как «многие слова в фольклоре означают гораздо больше, чем их словарное значение, и, что сложнее, эта функция может не совпадать в разных национальных традициях» [Казакова, 2002, с. 10].

Проблема заключается в том, что игнорирование данных языковых единиц при переводе снижает степень эквивалентности двух текстов до частичной эквивалентности, а с практической точки зрения, носитель ПЯ не имеет возможности получить полное представление об исходной культуре. С другой стороны, здесь можно говорить и о том, что снабжение каждой реалии, а тем более, реалии в более широком смысле этого слова (слова, имеющие словарные соответствия, и языковые знаки, например, в фольклорных текстах) сноской сделает текст тяжеловесным и повредит стилю, что также является отклонением от стремления к достижению максимальной эквивалентности исходного и переводного текстов.

Понимая, что перевода, а в особенности перевод реалий никогда не может быть абсолютно эквивалентным, мы будем говорить скорее об адекватности перевода. А. Д. Швейцер считает, что «адекватность текста определяется по его соответствию коммуникативной установке» [Швейцер, 1988, с. 35]. Различие между эквивалентностью и адекватностью перевода проводит, например, В.Н. Комиссаров. Согласно В.Н. Комиссарову, адекватный перевод отвечает поставленной цели, а понятие эквивалентности относится уже к результату перевода, подразумевает функциональное соответствие текста перевода тексту подлинника [Комиссаров, 1999, с. 82].

С этой точки зрения, перевод реалий в художественном тексте должен быть адекватным, поскольку зачастую у таких единиц БЭЛ не имеется соответствий в других языках. При этом следует принимать во внимание особенности художественного перевода и понимать, что точный перевод реалий требуется не всегда. Переводчик имеет возможность компенсировать коннотативное значение реалии в другом отрывке текста [Kinga, 2007, с. 86].

8. Классификация реалий

Составлением классификации реалий занимались разные учёные, включая Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, В.С. Виноградова [Виноградов, 1978, с. 91 – 97]. Однако наиболее полную классификацию приводят в своей работе С. Влахов и С. Флорин [Влахов, 1980, с. 51 – 65]. Авторы основываются на работах А. Е. Супруна, который делит реалии по предметному принципу на «несколько семантических групп». Ниже мы приведём данную классификацию в упрощённом виде (полная классификация — см. Приложение 2):

I. предметное деление (реалии географические, этнографические, общественно-политические);

II. местное деление (в плоскости одного языка, в плоскости пары языков);

III. временное деление (реалии современные, исторические).

Настоящая классификация в полной мере охватывает те сферы жизни определённого народа, которые могут считаться присущими исключительно данной стране или данному народу. Соответственно, предметы и явления, встречающиеся в данной культуре, будут чуждыми быту других народов, а следовательно, будут вызывать непонимание у представителей других культур.

9. Способы передачи реалий

На протяжении всего времени изучения данной проблемы учёные предлагали различные способы передачи реалий (Виноградов, Фёдоров, Комиссаров, Влахов и Флорин). Ввиду того, что некоторые лингвисты объединяли или разделяли некоторые варианты перевода данных единиц БЭЛ, количество способов их передачи варьируется. Тем не менее, все классификации сводятся к делению, приведённому А. О. Ивановым, на которое мы и будем ориентироваться в настоящей работе. Итак, А. О. Иванов выделяет шесть способов перевода реалий, которые мы проиллюстрируем примерами из венгерской культуры с возможными переводами на русский язык:

- аналог: *töltött káposzta* (фаршированная капуста с паприкой, иногда с добавлением квашеной капусты и сосисок) – голубцы;
- калькирование: *gulyásleves* (дословно: гуляшсуп) – суп-гуляш;
- транскрипция и транслитерация: *pálinka* (фруктовая водка) – палинка;
- описательный перевод: *nyilas* (дословно: стрелок) – член партии «Скрещенные стрелы» в Хортистской Венгрии;
- генерализация: *rogácsa* (в основном солёная булочка характерной формы с картошкой, шкварками, капустой или овечьим творогом) – булочка, выпечка;
- конкретизация [Иванов, 2006, с. 159 – 161].

Каждый из вариантов имеет свои особенности, и по-разному будет функционировать в переводном тексте. В первую очередь, важно обратить внимание на то, как употребление каждого из вариантов отразится на восприятии реципиентами переводного текста. Решения, принимаемые переводчиком на уровне простых языковых знаков, окажут влияние на степень эквивалентности перевода на уровне цели коммуникации, а также определяют стратегию перевода. Чтобы получить более чёткое представление о данных способах передачи БЭЛ, следует более подробно остановиться на каждом из них.

Употребление функционального аналога возможно при условии, что такой аналог присутствует в принимающей культуре. Под функциональными аналогами следует понимать слова, обозначающие предметы и явления действительности одного народа, имеющие некоторое сходство с предметами и явлениями другого народа. Данные понятия не тождественны, они всего лишь близки по значению, являются своего рода синонимами, соответственно, могут выступать в одной и той же функции в тексте. Как отмечает В. С. Виноградов, «уподобляемые слова скорее называют понятия, соподчиненные по отношению к родовому понятию» [Виноградов, 2001, с. 118].

Калькирование подразумевает перевод всех компонентов сложного слова или словосочетания, таким образом, в ПЯ создаётся новое понятие, которое является общеупотребительным в ИЯ и исходной культуре. Зачастую в художественном переводе допускается калькирование не только слов-реалий, но даже целых фразеологизмов, для сохранения важных семантических единиц. Со временем некоторые из калькированных слов и фразеологизмов входят в ПЯ и становятся естественными для носителей другой культуры (например, суп-гуляш).

Транскрипция и транслитерация применяются переводчиками для сохранения национального колорита. Однако злоупотребление данным методом передачи реалий может значительно усложнить восприятие текста

реципиентами перевода. Обычно каждое из вводимых транслитерируемых или транскрибируемых слов сопровождается сноской, в которой приводится детальное объяснение сути, значения предмета или явления. Как правило, транскрипция и транслитерация употребляются в том случае, если данная реалия является ключевой для культуры носителей ИЯ или для определённого текста на ИЯ, многократно используется, и поэтому её пересадка в культуру ПЯ имеет смысл.

Под описательным переводом понимается объяснение значения единицы БЭЛ средствами ПЯ непосредственно в переводном тексте. Такой метод предпочтителен в случае, если определённая реалия не является ключевой для данного текста, поскольку описательный перевод размывает рамки реалии, так как вместо одного или нескольких слов, фигурирующих в оригинале, в переводе, как правило, приводится длинное эквивалентное словосочетание, а иногда и придаточное предложение, что осложняет проблему идентификации и восприятия слов-реалий в ПЯ.

Генерализация и конкретизация — два противоположных приёма, которые в литературе иногда носят другое название. Так, например, В.С. Виноградов объединяет их в понятии гипо-гиперонимического перевода [Виноградов, 2001, с. 118]. Данный вид перевода опирается на видо-родовые отношения между понятиями. Если определённое понятие-реалия не является ключевым для контекста данного художественного произведения и встречается в нём всего один раз, то в некоторых случаях имеет смысл обобщить это понятие до более понятного носителям ПЯ. Конкретизация, то есть использование слова, обозначающего более узкое понятие, в переводческой практике применяется реже.

Выбор подхода к переводу культурно-маркированной лексики остаётся за переводчиком. В зависимости от цели перевода, а также роли понятий-реалий в общем контексте определённого художественного произведения переводчик вправе выбирать различные стратегии.

Выводы по главе 1.

Итак, в данной работе мы будем опираться на основное понятие функциональной теории перевода, а именно рассматривать текст перевода как функциональный эквивалент подлинника. Эта идея также лежит в основе художественного перевода, обладающего своими особенностями. Ввиду сложности и многоплановости художественных текстов, главной задачей художественного перевода является создание на ПЯ нового текста, который может служить адекватной заменой подлиннику как с точки зрения содержания, так и художественности.

Можно выделить две стратегии перевода, в частности, применимые к художественному переводу как особому типу перевода, стремящемуся сохранить помимо функции и прагматики текста также и стиль — доместикацию и форенизацию. Выбор стратегии доместикации подразумевает «одомашнивание» текста начиная с замены незнакомых реципиенту культурно-маркированных лексических единиц знакомыми, встречающимися в принимающей культуре, с целью адаптацию иностранного текста к культурным ценностям ПЯ. Форенизация выражает стремление пересадить новые для реципиента элементы культуры другого народа в принимающую культуру, в особенности для передачи национального колорита исходной культуры.

Переводчик всегда должен делать выбор между доместикацией и форенизацией. Особенно ярко это видно на примере ситуаций, когда необходимо перевести безэквивалентные лексические единицы. Эквивалентными могут считаться единицы, которые имеют постоянное переводческое соответствие, в то время как единицы БЭЛ не имеют постоянных соответствий, следовательно, представляют сложность для перевода.

Рассматриваемая в данной работе проблема — проблема перевода реалий является частью проблемы перевода единиц БЭЛ. Под реалиями

следует понимать такие предметы или явления, а также исторические факты, традиции и любые фоновые знания, которые характерны для определенного народа и часто не могут быть точно переведены в силу того, что они не имеют однозначного эквивалентного соответствия в других языках. Наиболее полно классификация реалий представлена в работе С. Влахова и С. Флорина.

Учитывая особенности художественного перевода и сложности передачи реалий, стоит отметить, что вариант перевода данных единиц БЭЛ зависит от решения переводчика. Художественный перевод даёт возможность делать выбор в пользу доместикации или форенизации, соответственно, выбирать подходящие в данном случае способы передачи реалий, включающие аналог, калькирование, транскрипцию и транслитерацию, генерализацию, конкретизацию.

Глава 2. Перевод венгерских реалий на английский

В ходе исследования венгерских текстов методом выборки было получено 82 лексические единицы, которые были поделены в соответствии с

классификацией С. Влахова и С. Флорина. Далее в тексте работы приведены отдельные варианты перевода венгерских реалий на английский язык, выявленные в ходе анализа, систематизированные и распределённые по группам, а также представлен описательный анализ рассматриваемых примеров.

В соответствии с классификацией С. Влахова и С. Флорина все реалии можно поделить на три большие группы: 1) географические реалии, 2) этнографические реалии, 3) общественно-политические реалии [Влахов, 1980, с. 51 – 56].

2.1. Географические реалии

Географические реалии составляют группу реалий, включающую в себя 1) названия объектов физической географии, 2) названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью, 3) эндемики [Влахов, 1980, с. 51]. Стоит обратить внимание на то, что С. Влахов и С. Флорин приводят примеры имён нарицательных, в то время как мы включаем сюда и имена собственные при условии, что они обладают определённым коннотативным значением и являются ключевыми для носителей венгерского языка.

В ходе анализа составленного нами корпуса примеров географических реалий выяснилось, что в изученном материале наиболее распространённой географической реалией, переданной на английский язык, является реалия *Alföld* [Альфёлд], а также реалия *puszta* [пуста, венгерская степь], варианты перевода которой практически не были представлены ввиду фрагментарности текста перевода. Стоит отметить, что помимо названий географических объектов в результате работы по отбору примеров был также обнаружен один пример эндемиков.

Для начала рассмотрим примеры передачи на английский язык реалии *Alföld* [Альфёлд]. Для венгерской культуры понятие *Alföld*, иногда именуемое *Nagyalföld* [Великий Альфёлд], является значимым. Альфёлдом называют

большую часть Среднедунайской равнины, расположенной к востоку от Дуная. Альфёлд занимает около половины территории Венгрии, представляет собой сплошную равнину со степями (пустами). Данный регион всегда играл важную роль в сельскохозяйственной и торговой жизни страны, многократно описывался в произведениях известных венгерских писателей, в том числе и в романах Мора Йокаи:

(1) A dunai út az **alföldi magyar rónán** egészen unalmassá válik [...]. [Arany ember, 59]

[Дунайский путь через **альфёлдскую венгерскую равнину** становится совершенно скучным]

On **the great Hungarian plains** the voyage up the Danube becomes extremely wearisome [...]. [Timar, 63]

В данном примере употребляется словосочетание *alföldi magyar róna* [альфёлдская венгерская равнина], где прилагательное *alföldi* [альфёлдская] является определением к словосочетанию *magyar róna* [венгерская равнина], которое, по сути, уже входит в само понятия Альфёлда. В энциклопедии Британника приводятся устоявшиеся варианты перевода названия данного региона на английский язык: *Great Alfold*, *Great Hungarian Plain* [Britannica]. В английском предложении в примере (1) данная венгерская реалия переведена как *the great Hungarian plains*, однако слово *plain* стоит во множественном числе, что сильно не искажает смысла. Тем не менее, такой вариант перевода является скорее описательным, приближает читателя к пониманию сути реалии, но не называет её.

Стоит обратить внимание на то, что в ходе сравнительно-сопоставительного анализа были также выявлены и другие варианты перевода реалии *Alföld*:

(2) Egész **Bajáig** e keserű, e sivár, ez önkínzó gondolatok üldözték Mihályt, ott pihenőt tartott. **Baján** is volt üzleti állomása, s mikor az **Alföldön** járt, leveleit ide utasíttatá a kereskedelmi telepére. [Arany ember, 140]

[До самого города **Байя** эти горькие, мрачные, мучительные мысли преследовали Михая, там он остановился на отдых. В **Байе** у него тоже была остановка по делу, и когда он бывал в **Альфёльде**, письма направлялись сюда, на торговый участок.]

These bitter, disconsolate thoughts followed Michael to **Vaja**, where he had an office, and where, when he traveled into **the flax districts of Hungary**, he had his letters sent. [Timar, 134]

Из данного примера видно, что встречающийся в том же самом романе *Alföld* переводится на английский язык уже иным образом — *the flax districts of Hungary*. В данном случае понятие *Alföld* передано с помощью описательного перевода, а также приёма конкретизации, так как широкое понятие Альфёлда сводится к одной из характеристик данного региона, а именно льноводству.

В примере (2) помимо Альфёлда встречается историческая реалия — город *Vaja* [Байя], который не раз упоминается в романе «Золотой человек». В XVIII-XIX вв. этот город являлся важным торговым центром Альфёлда. Действие романа относится именно к этому периоду. Сравним два варианта перевода данной реалии на английский язык:

(3) A zord utótéli idő egész **Vajáig** kísérte az utazót. [Arany ember, 139]

[Суровая погода в конце зимы сопровождала путешественника до самого города **Байя**.]

As far as **the Lower Danube**, the traveler took with him rough and wintery skies. [Timar, 134]

При первом упоминании данного топонима в тексте оригинала (см. пример (3) переводчик обращается к приёму генерализации — *the Lower Danube*, тем самым опускает название города. Однако в следующий раз при упоминании города в ИТ (см. пример (2) переводчик сохраняет оригинальное написание, перенося данную историческую реалию в текст перевода.

Кроме того, результаты исследования также показывают случаи опущения реалий, встречающихся в оригинальном тексте. Это хорошо демонстрирует следующий пример:

- (4) [...] hanem azt minden **alföldi** gulyás tudja, hogy [...] [Ember fia, 214]
[но каждый **альфёлдский** пастух крупного рогатого скота знает, что]
[...] but all cattle-raisers and ox-herds know that [...] [Sons, 234]

Здесь при переводе на английский язык наблюдается опущение реалии *alföldi* [альфёлдский]. В настоящем контексте данная реалия подчёркивает национальный колорит, особенно учитывая тот факт, что она употребляется в качестве определения к другой реалии — *gulyás* [пастух крупного рогатого скота] (см. 2.2.2. Труд).

Стоит отметить, что на основании проанализированного материала было установлено, что в некоторых случаях ввиду неточности перевода на английский язык не были переданы некоторые реалии, имеющиеся в соответствующих отрывках оригинального текста, более того, иногда в ПТ отсутствовали целые предложения, в результате чего было невозможно провести переводческий анализ отдельных примеров реалий.

Это, в частности касается реалии *puszta* [пуста, венгерская степь], которая занимает большую часть Венгрии, точнее Альфёлда, в связи с чем нередко употребляется словосочетание *alföldi puszta* [альфёлдская пуста]. Пуста представляет собой по большей части покрытую травой равнину без деревьев, которую используют в хозяйстве, прежде всего в качестве пастбищ для домашнего скота [МЕК]. Данное слово многократно встречается в проанализированных текстах. Тем не менее, на практике оно имеет более широкую семантику. Являясь неотъемлемой частью венгерской действительности, оно употребляется носителями языка и в других контекстах, зачастую по отношению к нетипично венгерским рельефам местности. К примеру, в одном из отрывков романа Мора Йокаи «Сыновья человека с каменным сердцем», где действие происходит в России, герой говорит следующую фразу:

(5) Huszonkét fok hideg a városban, a **pusztán** legalább huszonöt. [Ember fiaí, 28]

[В городе двадцать два градуса мороза, в **пусте** — как минимум двадцать пять.]

Here in the city it is twenty degrees below zero, and **out in the open country** it is at least twenty-five. [Sons, 36]

Очевидно, что речь идёт не о пусте как о венгерской реалии, поскольку действие разворачивается в России. В примере (5) герой романа употребляет слово *puszta* в противовес городу. Однако такое употребление данной реалии говорит о стремлении носителей венгерского языка приблизить чужую культуру за счёт расширения, а в каком-то смысле и подмены семантики типично венгерских реалий. С точки зрения перевода, смысл передан абсолютно верно: в ПТ отсутствует слово *puszta*, воспринимаемое носителями венгерского языка как характерное для Венгрии явление, значение передано через описательный перевод.

Как уже было замечено, среди собранных примеров имеется одна реалия, которая относится к группе эндемиков, то есть таксонов животных и растений, ограниченных в своём распространении:

(6) Olyan, mintha a pók el akarná fogni hálójával a **szarvasbogarat**. [Arany ember, 10]

[Так, как будто паук хотел бы поймать паутиной **жука-оленья**.]

It is as if a spider would catch a **cockchafer** in its web. [Timar, 14]

В данном примере представлена реалия *szarvasbogár* [жук-олень] — насекомое, обитающее в Европе, в частности его крупные виды обитают на территории Венгрии, поэтому хорошо известны местному населению. В английском предложении данная реалия заменяется словом, выступающим в качестве функционального аналога, точнее вместо жука-оленья в переводе упоминается майский жук. Такой переводческий выбор может быть мотивирован стремлением переводчика упростить восприятие текста носителями ПЯ посредством замены реалии на более близкое принимающей

культуре понятие, иными словами, переводчик обращается к стратегии доместикации.

Таким образом, в ходе сравнительно-сопоставительного анализа примеров географических реалий в венгерских литературных произведениях и их переводов на английский язык были обнаружены следующие приёмы передачи БЭЛ: употребление функционального аналога (*szarvasbogár – cockchafer*), генерализация (*Baja – the Lower Danube*), перенос реалии с сохранением оригинального написания (*Baja – Baja*) описательный перевод (*Alföld – the great Hungarian plains*), описательный перевод и конкретизация (*alföldi magyar róna – the flax districts of Hungary*), опущение (*alföldi – нет перевода*). Кроме того, стоит отметить, что в проанализированных текстах часто наблюдались опущения реалий и даже целых предложений и отрывков текста, содержащих реалии, ввиду чего не представляется возможным провести переводческий анализ таких единиц БЭЛ.

2.2. Этнографические реалии

2.2.1. Бытовые реалии

Согласно классификации С. Влахова и С. Флорина, бытовые реалии составляют одну из подгрупп этнографических реалий и включают в себя 1) пищу и напитки, бытовые заведения, 2) одежду, обувь, головные уборы,

украшения, 3) жильё, мебель, посуду, утварь, 4) транспорт и 5) другое [Влахов, 1980, с. 53].

Анализ корпуса примеров показал, что в изученном материале наиболее распространённой бытовой реалией является *pálinka* [палинка]. Венгерский толковый словарь предлагает следующее определение данного понятия: палинка — крепкий алкогольный напиток, приготовленный из материала, содержащего сахар или крахмал (например, из зерновых, картофеля, фруктов и т.д.), посредством осахаривания, брожения и дистилляции [МЕК].

В английских текстах встречаются разные примеры перевода настоящей реалии, например, *brandy, plum brandy, booze, drink*, которые, с точки зрения приёма перевода, можно разделить на три группы: употребление функционального аналога (*brandy*), употребление функционального аналога и конкретизация (*plum brandy*) и генерализация (*booze, drink, bottle*).

Для начала проанализируем вариант употребления функционального аналога.

(7) Egy korty **pálinka** a kenyérhez; ez volt minden ebédjük. [Ember fiaí, 175]

[Глоток палинки с хлебом; вот и весь их обед.]

A mouthful of bread and a swallow of **brandy**, — that was their dinner. [Sons, 199]

Оксфордский словарь даёт следующее определение слова *brandy*: бренди — крепкий алкогольный напиток, полученный в результате дистилляции вина или забродившего фруктового сока [Oxford].

Можно сказать, что в примере (7) в ПТ *brandy* выступает в качестве функционального аналога реалии *pálinka*, являясь одним из ряда возможных крепких алкогольных напитков. Употребление функционального аналога позволяет передать предметное содержание реалии и, в конечном счёте,

вызывать у реципиента текста реакцию, сходную с реакцией носителя ИЯ. Однако такая стратегия перевода приводит к потере национального колорита.

Аналогичная стратегия наблюдается в переводе слов, обозначающих предметы, связанные с палинкой, а именно *pálinkás butykos* [фляга для палинки] – *brandy-flask*.

В попытке сохранить национальный колорит один из переводчиков конкретизирует аналог переводимого понятия, добавляя определение: *plum brandy*:

(8) Az idegen **pálinkája** keserű volt. [Sinistra, 126]

[**Палинка** незнакомца была горькой.]

The stranger's **plum brandy** was bitter. [Sinistra zone, 58]

(9) [...] miközben az **ital** az üvegben kövér buborékoktól fortyogott. [Sinistra, 128]

[в то время как **напиток** в бутылке шипел из-за крупных пузырьков]

[...] as the **plum brandy** in his bottle fizzled with thick bubbles. [Sinistra zone, 59]

В примере (8) американский переводчик, с одной стороны, употребляет функциональный аналог реалии *pálinka*, а именно *brandy*, с другой — прибегает к конкретизации понятия, добавляя определение «сливовый». Сливовая палинка, аналогом которой можно считать сливовицу, популярна в различных странах Европы, что, хотя и не подчёркивает особенность венгерской культуры, но, по крайней мере, переносит читателя в Европу.

Ещё большая конкретизация наблюдается в примере (9), поскольку в оригинале употребляется слово *ital* [напиток], значение которого в ПТ сужается до *plum brandy*, что не вредит смыслу и ещё раз подчеркивает европейский колорит.

Результаты анализа также позволили выделить и обратный приём родовидовой замены, а именно генерализацию. Например, в переводе романа Иштвана Галла реалия *pálinka* встречается четыре раза, в ПТ данной реалии соответствуют слова *booze* (3 раза), *drink*. Такой перевод полностью лишает

данное понятие национальной специфики, а также способствует сглаживанию венгерского колорита во всём тексте.

Приём генерализации также применяется для перевода слов, обозначающих связанные с палинкой предметы и явления, например, *pálinkacsapszék* [питейное заведение, где главным образом предлагают палинку] – *little inn* [небольшой постоялый двор, при котором может также находиться питейное заведение].

Кроме того, собранный нами корпус примеров содержит бытовые реалии, обозначающие типичную венгерскую пищу:

(10) **Haricskapuliszka** lesz itt minden ember számára! [Ember fiai, 175]

[Будет каждому **кукурузно-гречневая каша!**]

Stirabout for every man, a bellyful! [Sons, 200]

(11) Mikor készen volt a **puliszka** [...] [Ember fiai, 176]

[Когда **кукурузная каша** была готова]

When the **mush** was done [...] [Sons, 200]

Реалия в примере (10) состоит из двух культурно-маркированных единиц, а именно *haricska* [греча] и *puliszka* [кукурузная каша]. Слово *haricska*, обозначающее гречневую крупу и приготовленное из неё блюдо, является диалектным и употребляется только в провинциальной Венгрии. Слово *puliszka* обозначает народное блюдо из кукурузной муки, похожее на густую кашу, в некоторых регионах употребляется в пищу вместо хлеба. Как видно из примера, в ПТ приводится функциональный аналог реалии — *stirabout*. Словарь Мерриам-Уэбстер определяет понятие *stirabout* следующим образом: изначально это ирландская овсяная или кукурузная каша, сваренная в кипятке или на молоке, а затем размешанная [MW]. В данном примере, несмотря на то, что английский аналог является адекватным, с точки зрения его функции в ПТ, тем не менее, можно наблюдать замену реалии одного языка реалией другого, а, соответственно, подмену коннотативного значения, выражающегося в национальной специфике.

В примере (11) реалии *puliszka* [кукурузная каша] в ПТ соответствует слово *mush*, что в американском варианте английского языка обозначает густую кашу из кукурузной муки [MW]. Однако данные словарей показывают, что слово *mush* не употребляется в таком значении в других странах англоязычного мира, что свидетельствует о замене реалии знакомым принимающей культуре понятием, в отношении всего текста это пример использования стратегии доместикации.

Собранный нами корпус примеров также содержит реалии, обозначающие предметы одежды и головные уборы. Примером такой бытовой реалии может послужить слово *daróc*, которое, согласно данным венгерских словарей, обозначает как грубое шерстяное сукно, напоминающее войлок, так и произведённую из этого сукна одежду, имеющую сходство с пальто или армяком [МЕК]. Такой предмет верхней одежды носило небогатое венгерское население, жившее в основном в Трансильвании, однако данная реалия встречалась и в других регионах, например, в Альфёльде. Рассмотрим примеры употребления данной реалии:

(12) [Coca] [...] **darócaikat** eldobatta [...] [Sinistra, 21]

[Коко заставила снять свои пальто из грубого шерстяного сукна]

She had their **frieze coats** discarded [...] [Sinistra zone, 16]

Словарь Мерриам-Уэбстер приводит одно из значений английского слова *frieze*, удовлетворяющее данный контекст: грубая прочная шерстяная ткань, не отличающаяся высоким качеством, и имеющая шероховатую поверхность [MW].

В данном случае переводчик комбинирует описательный перевод и генерализацию. Семы, обозначающие качество сукна, изначально включённые в венгерское понятие *daróc*, сохраняются за счёт употребления определения *frieze* перед обобщающим понятием *coat*.

В романе Мора Йокаи «Золотой человек» реалия *daróc* встречается дважды, однако в одном случае она фигурирует в отрывке, непереведённом на английский язык:

(13) [...] fejére húzva **daróckámzsáját** [...] [Arany ember, 6]

[натянув на голову капюшон из **грубого шерстяного сукна**]

[...] he has drawn a hood over his head [...] [Timor, 9]

Можно предположить, что переводчик отказался от перевода данной реалии, потому что она не является ключевой для данного художественного текста, а значение, связанное с качеством одежды персонажа, и, следовательно, с его состоятельностью, можно передать с помощью компенсации в другом отрывке текста.

В проанализированных текстах также встретилась реалия, связанная с жильём:

(14) [...] aztán kiült a **lócára** [...] [Arany ember, 106]

[затем присела на **лавочку**]

[...] and sit down on the **bench before the door** [...] [Timor, 105]

Словарь определяет понятие *lóca* [лавка] как народное название скамьи, то есть длинного переносного предмета мебели на ножках, сделанного из дерева, предназначенного для нескольких человек, и не имеющего спинки и ручек [МЕК]. Оксфордский словарь определяет слово *bench* как длинный предмет мебели из камня или дерева, где может сидеть несколько человек [Oxford]. В английском языке чаще встречается сочетание *park bench*, в то время, как слово *lóca* чаще употребляется в венгерской провинции и относится к типу скамей, стоящих непосредственно перед жилыми, в основном перед сельскими домами, нежели в общественных местах, но также этот предмет является частью сельского интерьера. Стратегия перевода данного понятия в примере (14) включает стремление конкретизировать венгерскую реалию с помощью дополнительной семы *before the door*, которая в данном контексте подчёркивает связь реалии с домашним бытом. Тем не менее, семантика слова *bench* шире семантики слова *lóca*. Последнее не только обозначает более конкретный предмет, но также отражает специфику лексического состава языка провинциальной Венгрии.

Итак, в ходе сравнительно-сопоставительного анализа примеров бытовых реалий в венгерских литературных произведениях и их переводов на английский язык обнаружилось следующие приёмы передачи БЭЛ: употребление функционального аналога (*puliszka – mush*), генерализация (*pálinka – booze*), употребление функционального аналога и конкретизация (*pálinka – plum brandy*), описательный перевод (*lóca – семы before the door*), описательный перевод и генерализация (*daróc – frieze coat*), опущение (*daróc – нет перевода*). Причём ни в одном из английских текстах не было представлено вариантов перевода с сохранением оригинального написания реалии, что даёт основание говорить о том, что, по крайней мере, по результатам данного анализа венгерские бытовые реалии недостаточно хорошо представлены в англоязычном мире.

2.2.2. Труд

Группа этнографических реалий, связанная с трудом, включает в себя следующие типы реалий: 1) люди труда, 2) орудия труда, 3) организации труда [Влахов, 1980, с. 53].

Исследование корпуса примеров реалий позволило выявить три примера реалий труда, относящихся к группе «люди труда».

Ввиду того, что Венгрия долгое время являлась главным образом аграрной страной, среди характерных для Венгрии видов сельскохозяйственной деятельности можно выделить разведение различных групп скота. Для каждого направления деятельности имеются отдельные названия людей труда. Например, пастухи различаются соответственно видам скота и имеют свои названия.

- (15) [...] hanem azt minden alföldi **gulyás** tudja, hogy [...] [Ember fia, 214]
[но каждый альфёлдский **пастух крупного рогатого скота** знает, что]
[...] but all **cattle-raisers and ox-herds** know that [...] [Sons, 234]

Здесь реалией труда является слово *gulyás* [пастух крупного рогатого скота], которое употребляется совместно с другой, конкретизирующей

реалий, а именно *alföldi* [альфёльдский] (см. 2.1. Географические реалии). Как видно из примера, в переводе вместо одного наименования употребляются два. Во-первых, этот приём известен как использование синонимичных однородных членов, он часто встречается в английском языке. Во-вторых, оба слова точно передают смысл венгерской реалии, однако лишают её национального колорита, поскольку в венгерском сознании есть чёткое представление об образе данного типа пастуха, которое не отражается в переводе, отчасти из-за того, что в ПТ не передано определение *alföldi*.

Стоит обратить внимание на то, что при втором упоминании реалии *gulyás* в романе «Сыновья человека с каменным сердцем» переводчик не приводит ряд синонимичных однородных членов, а передаёт данную реалию одним из синонимов, приведённых в примере (15), а именно *ox-herd*:

(16) Tudják azt a **hajcsárok**, tudják azt a mészárosok; de leginkább a **gulyások**, hogy az ökrök szoktak néha csudát látni. [Ember fia, 214]

[**Погонщики скота** знают, мясники знают, но лучше всех знают пастухи крупного рогатого скота, что порой быки видят чудеса.]

Cattle-dealers and butchers know very well what that means, but the **ox-herd** understands it best of all. [Sons, 235]

В приведённом предложении присутствует также и другая реалия — *hajcsár* [погонщик скота], явление типичное для Венгрии. В аграрной Венгрии этим словом называли временных работников, сопровождающих скот от места покупки до назначенного места передачи скота владельцу. Труд таких работников оплачивался покупателем [МЕК]. В английском предложении данная реалия передана с помощью слова *cattle-dealer*, которое употребляется непосредственно по отношению к торговцам скотом. Неточная передача реалии в данном контексте не влияет на смысл текста в целом, однако такой способ передачи заключается скорее в приближенном переводе, который не способствует отражению национального колорита.

Более точный перевод реалии *hajcsár* можно обнаружить в следующем примере:

(17) Az a kürtölés a **lőhajcsárok** vezetőjének szól. [Arany ember, 5]

[Звуки рога звучат для возглавляющего **погонщиков лошадей**.]

The horn signals are for the leader of the **team-drivers**. [Timar, 8]

Слово *lőhajcsár* [погонщик лошадей] состоит из двух значимых единиц: *ló* [лошадь] и *hajcsár* [погонщик]. Это слово обозначает один из видов деятельности погонщиков в Венгрии. В переводе на английский употребляется слово *team-driver*, которое является функциональным аналогом данной реалии, однако не указывает на конкретный вид животного, который сопровождает погонщик, следовательно, вносится элемент генерализации.

Подводя итог по данной группе реалий, можно отметить, что результаты сравнительно-сопоставительного анализа продемонстрировали следующие приёмы передачи БЭЛ: употребление функционального аналога (*gulyások – cattle-raisers and ox-herds*), употребление функционального аналога и генерализации (*lőhajcsár – team-driver*), приближенный перевод (*hajcsár– cattle-dealer*). Все проанализированные варианты перевода довольно точно передают смысловое значение реалии, однако ни в одном из случаев не было предпринято попытки передать национальный колорит.

2.2.3. Искусство и культура

Взятая нами за основу классификация предполагает, что реалии, относящиеся к сфере искусства и культуры, включают в себя 1) музыку и танцы, 2) музыкальные инструменты и др., 3) фольклор, 4) театр, 5) другие искусства и предметы искусств, 6) исполнителей, 7) обычаи, ритуалы, 8) праздники, игры, 9) мифологию, 10) культы, 11) календарь [Влахов, 1980, с. 54].

Однако в результате выборки реалий и анализа корпуса полученных примеров в проанализированных текстах художественной литературы были выявлены единицы БЭЛ, относящиеся только к группе реалий фольклора и игр, точнее карточных игр.

Для начала рассмотрим примеры карточных игр, обнаруженные в проанализированных текстах:

(18) De lehetett **ulti**, **máriás** vagy akár bridzs [...] nem tudta megfogni a piros **ultit**. [Gáll, 21]

[Бывала игра **ульти**, **марьяж** или бридж [...] не мог собрать комбинацию «красный ульти».]

They may have played **pinochle** or **ulti** or bridge [...] failed to finesse **the red queen**. [Worshiper, 23]

Как видно, здесь упоминаются две венгерские карточные игры. Стоит сказать, что особенностью венгерских карточных игр является то, что для них используются «венгерские» карты. Так в Венгрии называют немецкую колоду, которая отличается нестандартными символами мастей. Карточная игра *máriás* [марьяж] имеет аналог в других культурах. В данном примере переводчик прибегает именно к употреблению функционального аналога, передавая данную реалию с помощью лексической единицы *pinochle*.

Обратимся к примеру второй реалии. Карточная игра *ulti* [ульти] пользуется особой популярностью в Венгрии, однако за пределами страны она мало кому известна. Как видно из английского предложения в примере (18), реалия *ulti* передана в ПТ через сохранение оригинального написания. Это попытка познакомить англоязычных читателей с культурными особенностями Венгрии за счёт применения приёма форенизации. Однако стоит обратить особое внимание на то, что второе употребление слова *ulti* в примере (18) относится уже не к игре, а к одной из возможных комбинаций карт. В переводе *piros ulti* [комбинация «красный ульти»] передаётся с помощью функционального аналога *the red queen*, что, с точки зрения художественного перевода, приемлемо, более того, не создаёт дополнительных сложностей для реципиента, которого могло бы сбить с толку повторное использование незнакомого слова, но уже в другом значении.

Приведём ещё один пример употребления реалии *ulti* в том же романе:

(19) [...] rosszul játsszák az **ultit** [Gáll, 74]

[плохо играют в ульти]

[...] play **cards** badly. [Worshiper, 81]

Сравнивая данный пример с предыдущим, мы можем обнаружить, что, если при первом упоминании венгерской карточной игры *ulti* в романе Галла переводчик делает выбор в пользу сохранения оригинального написания для передачи национального колорита, то при втором упоминании, он использует приём генерализации. В первом случае переводчик не сопровождает незнакомую реципиентам реалию *ulti* комментарием в сноске или пояснением в самом тексте, таким образом, неизвестное носителям ПЯ слово может только усложнить понимание текста. Вероятно, этим и мотивировано решение переводчика во втором случае обратиться к приёму генерализации, заменив реалию *ulti* на лексическую единицу *cards*.

Кроме того, корпус примеров данной группы реалий содержит наименования фольклорных жанров. Так, например, в отрывки романа Мора Йокаи, приведённом ниже, употреблен целый ряд фольклорных жанров, характерных для венгерской культуры:

(20) [...] a meder minden sziklájának, szigetének, forгатagának van története, **tündérregéje, népmondája** vagy zshiványkalandja, mikről beszélnek a világtörténet könyvei, vagy a sziklákba vágott betűk, vagy népénekesek **danái**, vagy a hajósok szájhagyományai. [Arany ember, 8]

[у каждой скалы, острова, водоворота в русле есть своя история, **волшебное сказание, народная легенда** или приключенческая история, о которых рассказываю книги историй мира, либо буквы, высеченные на скале, либо **стихи певцов из народа**, либо устные предания моряков]

[...] each cave on both banks, every cliff, island, and every eddy in the stream has its history: a **fairy tale**, a **legend**, or an adventure with brigands, of which books, or sculptured inscriptions, or **national songs**, or fisherfolks' tradition tell the story. [Timor, 12]

Рассмотрим каждую реалию в отдельности. Одним из примеров служит слово *tündérrege* [волшебное сказание, буквально: сказание о феях], которое состоит из двух значимых единиц: *tündér* [фея] и *rege* [предание, сказание, легенда]. Венгерский толковый словарь даёт следующее определение слову *rege*: древняя, передающаяся в устных преданиях, сказочная, обычно мифическая история, рассказ [МЕК]. Одним из ярких примеров такого жанра является легенда о чудесном олене, повествующая о пришествии венгерских племён на территорию современной Венгрии. Сама лексическая единица *rege* стилистически является устаревшей, и встречается по большей части в письменной речи, в том числе в художественной литературе. В примере (20) в английском предложении употребляется функциональный аналог *fairy tale*. В английском толковом словаре приводится определение данной лексической единицы: традиционная история, написанная для детей, обычно рассказывающая о вымышленных созданиях и магии [Cambridge]. Стоит отметить, что семантика слова *rege* не подразумевает, то данный жанр предназначен для детей.

Ввиду того, что лексическое значение слова *rege* сложно передать конкретным английским словом, переводчик романа «Золотой человек» в разных случаях приводит разный перевод данной единицы:

(21) Talán egyéb oka is lehetett az apró **regék** elbeszélésére az ismeretterjesztési vágnál? [Arany ember, 8]

[Возможно, помимо желания поделиться знаниями могла существовать и другая причина, почему он рассказывал небольшие **легенды**.]

Possibly he had another object with his **legends and anecdotes** besides the satisfaction of the girl's curiosity. [Timor, 12]

(22) Amíg Timéa azt a **regét** hallgatta, hogyan menekült fel a hős Mirkó kedvesével [...] [Arany ember, 8]

[Пока Тимея слушала **легенду** о том, как герой Марко сбежал со своей возлюбленной]

Timea listened to the **story** of the hero Mirko with his beloved [...] [Timor, 12]

В примере (21) слово *rege* передано в ПТ с помощью лексических единиц *legends and anecdotes*, то есть переводчик пытается конкретизировать широкую венгерскую реалию, заменяя её двумя аналогами. Притом определение данной венгерской реалии не подразумевает анекдотичности, которая вносится в текст на ПЯ.

В примере (22) в английском предложении, напротив, мы можем наблюдать пример использования приёма генерализации, так как слово *rege* передаётся на ПЯ как *story*, соответственно, в переводе теряется особенность данного жанра. В данном контексте такая замена оправдана, поскольку, с точки зрения художественного перевода, переводчик имеет право разнообразить лексику, чтобы избежать многократных повторов, притом стоит учитывать тот факт, что ранее в тексте уже указывалось, что речь пойдёт именно о легендах.

Возвратимся к примеру (20) и рассмотрим другую реалию фольклора — реалию *népmonda* [народная легенда], которое в данном примере переведено на английский как *legend*. Согласно определению в венгерском толковом словаре, данная реалия обозначает рассказ, обычно с элементами волшебства, созданный народом и повествующий об исторических фигурах или объектах природы, передающийся в виде устных преданий. Наиболее знаменитой является легенда о короле Матяше (*Népmonda Mátyás királyról*) [МЕК]. Оксфордский словарь определяет слов *legend* как традиционную историю, которая часто считается связанной с историей, но не аутентичной [Oxford]. В качестве примера в словаре приводится словосочетание *the legend of King Arthur*. Таким образом, как данная венгерская реалия, так и её перевод часто употребляются с определёнными историческими персонажами, имеющими отношение к данному народу, а соответственно в сознании народа ассоциируются с ними. В данном случае венгерская реалия передаётся на английский язык с помощью функционального аналога.

Интерес представляет также реалия *dana* [стихи, исполняемые в форме песни; народная песня], встречающаяся в примере (20). Само венгерское слово *dana* является устаревшим, поэтическим, обозначает песню, которую знал и исполнял простой народ, обычно это посредственная народная песня [Szo]. В приведённом в примере (20) предложении данная реалия употребляется в посессивной конструкции *népénekesek danái* [стихи певцов из народа]. Сама посессивная конструкция не передана в предложении на ПЯ, тем не менее, посредством генерализации в словосочетании *national songs* передано основное значение рассматриваемой реалии, а именно то, что она является одним из образцов народного песнопения.

Резюмируя результаты, полученные в ходе сравнительно-сопоставительного анализа примеров реалий, относящихся к сфере искусства и культуры, можно отметить следующие приёмы передачи БЭЛ: перенос реалии с сохранением оригинального написания (*ulti – ulti*), употребление функционального аналога (*népmonda – legend*), генерализация (*ulti – cards*), употребление функционального аналога и конкретизация (*rege – legends and anecdotes*). Результаты показывают, что все проанализированные реалии, кроме одной, а именно карточной игры ульти, передаются в ПТ с помощью приёмов, способствующих сглаживанию национального колорита.

2.2.4. Этнические объекты

Этнические объекты — группа этнографических реалии, которая содержит 1) этнонимы, 2) клички, 3) названия лиц по месту жительства.

Исследование всего корпуса примеров позволило выделить одну реалию, относящуюся к группе этнонимов, соответственно, обозначающую название народа.

(23) Mindenki testvér volt a trikolór alatt, nem gúnyoltak senkit **tótnak**, németnek; azok mind egy zászló alatt egy haza fiainak vallották magukat.
[Ember fia, 189]

[Все были братьями под триколором, никого не дразнили **словаком**, немцем; под одним флагом все считали себя сыновьями отечества.]

Предложение, приведённое в рассматриваемом примере, находится в отрывке романа, не переведённом на английский язык. Однако, несмотря на отсутствие перевода, стоит дать объяснение данной реалии. До начала второй мировой войны словом *tót* [словак] называли словаков, однако само слово несёт уничижительную, шовинистскую коннотацию, за счёт чего может представлять сложность для переводчиков.

В ходе выборки примеров из текстов произведений венгерской художественной литературы не было обнаружено примеров наименований этнических объектов, за исключением одного, не имеющего соответствия в тексте, переведённом на английский язык.

2.2.5. Меры и деньги

Данная группа этнографических реалий включает в себя 1) единицы мер, 2) просторечные названия, 3) денежные единицы.

В проанализированных текстах было обнаружено большое количество единиц мер, которые можно считать историческими реалиями. К ним относятся *láb* [фут], *öl* [сажень], *hüvelyk* [дюйм], *mértföld* [миля]. Рассмотрим примеры данных реалий и варианты их перевода:

(24) [...] a két fal száznegyven ölnyire közeledik már egymáshoz s háromezer lábnyira az éghez. [Arany ember, 2]

[две стены, находящиеся на расстоянии 140 сажений друг от друга, и взмывающие к небу на высоту 3000 футов.]

[...] the towering walls drawing closer by three hundred yards and soaring three thousand feet into the sky. [Timar, 2]

Перевод единицы *láb* [фут, дословно: нога] не представляет особой сложности, поскольку в английском языке имеется соответствие *foot*. Данная единица мер была распространённой в различных странах Европы, в том числе и Венгрии, однако её точное линейное значение варьируется.

Большой интерес представляет реалия *öl* [1,9 м, сажень], которая не имеет устоявшегося перевода ни на русский, ни на английский. Это мера равна 1,9 метра или шести футам, поэтому её можно сравнить с русской саженью. В примере (24) в ПТ переводчик заменяет венгерскую реалию более понятной англоязычным реципиентам, то есть ярдом, при этом пересчитывает расстояние таким образом, чтобы оно соответствовало расстоянию оригинала: 140 венгерских сажень в ИТ заменяются на 300 ярдов в ПТ.

(25) A kormányos **ölnyi** termetű kemény férfi volt [...] [Arany ember, 6]
[Рулевой был крепким мужчиной ростом с **сажень**]

The steersman is a **six-foot** weather-beaten sailor [...] [Timar, 9]

Согласно определению понятия *öl*, данная мера приравнивается шести футам. В ПТ переводчик заменяет реалию *öl* на *six-foot*, которое выступает в качестве определения.

(26) A nagy, fenséges folyam-ös, mely megszokta a magyar sík lapályon **ezerölnyi** mederben haladni méltóságos csenddel méltóságos csenddel, [...] itt összeszorítva száznegyven ölnyi sziklagátba [...]. [Arany ember, 2]

[Большой, величественный древний поток, который в царственной тишине привык бежать по руслу шириной тысячу сажень в венгерской ровной низине [...] здесь сужаясь до ущелья в 140 сажень]

The mighty mother-stream, accustomed far above on the Hungarian plains to flow with majestic quiet in a bed three miles wide [...] here confined in a pass only a hundred and fifty fathoms in width. [Timar, 2]

Как мы можем заметить, в примере (26) реалия *öl* встречается дважды. Переводчик выбирает стратегию, при которой заменяет венгерскую культурно-маркированную лексику, сохраняя смысл предложения, в котором важно показать размах и величие потока. Соответственно, линейные значения единиц мер не сохраняются. В словосочетание *ezerölnyi meder* [русло, шириной в тысячу сажень] важно показать, насколько величественен поток, поэтому необязательно точно сохранять величины. В переводе размах

передан с помощью другой величины: *in a bed three miles wide*, что в численном значении превышает значение, приведённое в ИТ. С точки зрения художественного перевода, такая замена является адекватной.

Однако во втором случае реалия *öl* переведена с помощью другого слова, а именно *fathom*, то есть фатом или морская сажень, которое практически полностью соответствует численному значению данной венгерской единицы измерения расстояния, то есть является адекватным функциональным аналогом.

Перейдём к рассмотрению следующей реалии:

(27) [...] a **háromhüvelyknyi** vastag hajókötél [...] [Arany ember, 5]

[канат шириной в **три дюйма**]

[...] a **three-inch** cable [...] [Timor, 8]

Единица мер *hüvelyk* [дюйм] — старая единица, употреблявшаяся в различных странах Европы, в том числе и Венгрии. В зависимости от страны её значение варьируется. Однако *inch* является функциональным аналогом, практически соответствующим венгерскому аналогу по численному значению, и адекватным переводом для художественного текста.

Рассмотрим и проанализируем реалию *mértföld* [миля]:

(28) [...] amit a hajóstülök **kétmértföldnyi** messzeségre elküld. [Arany ember, 5]

[который гудок разносил на расстояние в **две мили.**]

[...] which the speaking-trumpet sends for **many miles.** [Timor, 8]

Слово *mértföld* является устаревшей формой современного *mérföld*, имеющего то же значение. Стоит отметить, что художественный текст — особый вид перевода, в котором можно допустить неточности в численных значениях в отличие, например, от текста технической документации. Более того, иностранные меры в большинстве случаев будут непонятны реципиентам. В примере (28) точное численное значение *kétmértföldnyi messzeségre* [на расстояние в две мили] переведено как *for many miles*, то есть переводчик использует приём генерализации.

Исследование встречающихся в проанализированных текстах денежных единиц позволило установить, что венгерская национальная валюта — форинт — имеет несколько переводческих соответствий в английских текстах: *florin, gulden, forint*.

(29) [...] az nekem mindjárt öt **forint**. [Ember fia, 43]

[мне это обойдётся в пять **форинтов**.]

[...] it will cost me five **florins** at least. [Sons, 43]

(30) Az állam eladta másfél forintért a török parton azt a sót, aminek az ára itthon hatodfél forint; a török partról visszahozta azt a csempész, s eladta a magyar parton negyedfél forintért. [Arany ember, 3]

[Государство за полтора форинта продавало на турецкой стороне соль, цена которой дома составляла пять с половиной форинтов; контрабандист обратно перевозил её с турецкой стороны и продавал на венгерском берегу за три с половиной форинта.]

On the Turkish side the same salt was sold for five gulden, which cost six and a half on the Hungarian shore. It was brought by contraband back from Turkey to Hungary, and sold here for five and a half gulden. [Timor, 4]

Как можно видеть, в двух приведённых примерах реалия *forint* [форинт] передаётся с помощью функциональных аналогов. Как *florin*, так и *gulden* — валюта, имевшая хождение в Австро-Венгерской империи. На время действия обоих романов «форинт» являлся венгерским просторечным названием австро-венгерского гульдена или австрийского флорина, а в середине XX века это название стало использоваться для обозначения национальной валюты Венгрии. Кроме того, в примере (30) переводчик необоснованно меняет прецизионную информацию.

(31) [...] rajta ülnek az ő hétszáznyolcvanegy **forintján**. [Gáll, 53]

[ничего не делают с его 781 **форинтом**.]

[...] they just sit on his 781 **forints**. [Worshiper, 59]

Здесь оригинальное написание венгерской валюты сохранено. Действие романа происходит в середине-второй половине XX века, когда в

Венгрии форинт уже был признан национальной валютой. Таким образом, в данном примере проявляется стремление переводчика перенести реалию венгерской действительности в текст на английском языке.

Корпус примеров данной группы реалий также содержит исторические реалии, обозначающие деньги, которые сейчас уже не имеют хождения в Венгрии:

(32) *Húsz krajcár!* [Aran ember, 17]

[Двадцать **крейцеров**]

Twenty **kreutzers** a day. [Timor, 20]

Крейцер — монета, имевшая хождение в Австро-Венгрии. Здесь реалия *krajcár* [крейцер] в английском варианте передана с помощью сохранения немецкого написания, которое вместе с тем сохраняет венгерское произношение.

Итак, в ходе сравнительно-сопоставительного анализа примеров группы реалий «Меры и деньги» были выявлены следующие приёмы передачи БЭЛ: употребление функционального аналога (*öl – fathom*), употребление функционального аналога с пересчётом линейного значения (*öl – yard*), генерализация (*kétföldnyi messzeségre – for many miles*), сохранение оригинального написания (*forint – forint*). В основном, наблюдается тенденция замены венгерских реалий данной группы с целью облегчения восприятия текста реципиентами.

2.3. Общественно-политические реалии

Согласно классификации С. Влахова и С. Флорина, данная группа реалий включает в себя 1) административно-территориальное устройство, 2) органы и носители власти, 3) общественно-политическую жизнь, 4) военные реалии.

2.3.1. Административно-территориальное устройство

К данной группе реалий относятся 1) административно-территориальные единицы, 2) населенные пункты, 3) детали населенного пункта.

В ходе анализа корпуса примеров было выявлено две синонимичные реалии, относящиеся к группе «административно-территориальные единицы»: *vármegyé* и *megye* [комитат, область].

(33) – Ez az adminisztrátora a **vármegyénknek**.

– Hát az a **vármegye** dolga. [Ember fiaí, 55]

[– Это администратор **комитата**.

– Это дело **комитата**.]

"He is the administrator of our **county**."

"Well, that is the **county's** affair, not mine." [Sons, 65]

Реалия *vármegye* [комитат, область] обозначает как высшую правительственную и административную единицу в феодальной Венгрии, тип муниципалитета, объединяющий крупную территорию, так и официальный орган, управляющий данным муниципалитетом [МЕК]. В примере (33) данная реалия передаётся на английский язык с помощью слова *county*, которое функционально соответствует оригинальной реалии. Тем не менее, у англоязычных читателей в зависимости от страны слова *county* вызывает ассоциации либо с округами (для американцев), либо с графствами (для британцев), таким образом, такой вариант перевода демонстрирует, что в данном случае переводческий выбор был сделан в пользу доместикации.

(34) A **megye** minden pártárnyalatú celebritásai igyekeztek tiszteletüket bemutatni az ifjú örökös **főispánnak**. [Ember fiaí, 87]

[Знаменитости **комитата** из разного рода партий старались выразить своё уважение молодому будущему (дословно: наследнику) **главному жупану**.]

The principal men of the **county**, he said to himself, had come to pay their compliments to the son and heir, without regard to party. [Sons, 110]

Реалия *megye* в одном из своих значений выступает в качестве синонима к слову *vármegye*. Оба слова могут обозначать историческую единицу правительственного и административного деления до 1848 года. Однако в соответствии с первым значением, приведённом в словаре, слова *megye* также употребляется для обозначения современной крупной единицы государственного управления, объединяющей под собой несколько районов [МЕК]. Так как действия романа связаны с венгерской революцией 1848

года, то очевидно, что в данном контексте слово *megye* является синонимом к слову *vármegye* и переводится, как и в примере (34), словом *county*.

2.3.2. Органы и носители власти

Данная группа реалий включает 1) органы власти, 2) носителей власти.

В примере (34) также упоминается венгерская реалия, обозначающая носителя власти. Слово *főispán* [главный жупан] состоит из двух значимых единиц: *fő* [главный] и *ispán* [жупан]. Историческая реалия *ispán* обозначает высокопоставленного служащего, стоящего во главе комитата [МЕК]. Переводчик не передаёт реалию в английском предложении, но называет героя так, что коммуникативная ситуация передается адекватно, а реципиент понимает, про какого героя идёт речь.

Тем не менее, при первом упоминании данной реалии в оригинальном тексте перед переводчиком встаёт задача выбора варианта её перевода.

(35) Nem gondoltál arra, hogy mint legidősebb Baradlay, az örökös **főispáni** szék elfoglalására vagy hivatva? [Ember fia, 82]

[Не думали ты, что, так как ты старший сын в семье Барадлай, тебе предназначено занять место **главного жупана**?]

Have you taken thought that as eldest son you will be called upon to assume the **lord-lieutenancy of the county**, which has so long been in our family?" [Sons, 50]

Приведённый в рассматриваемом примере вариант перевода реалии *főispán* представляет собой перевод с помощью функционального аналога. Однако согласно данным словарей, *lord-lieutenant* является главой исполнительной власти и главой магистратов в каждом графстве Великобритании [Oxford], то есть для перевода венгерской реалии был выбран адекватный с точки зрения значения языковой единицы перевод, однако при этом произошла подмена коннотативного значения, поскольку в ПТ приводится британская, а не венгерская реалия.

Кроме того, анализ корпуса примеров позволил выделить примеры реалий, обозначающих органы власти.

(36) [...] megidéztek már **consistorium**, **megyei törvényszék** elébe, mint szentségtörőt, mint lázítót [...] [Ember fiaí, 44]

[меня уже вызывали предстать перед **консисторией**, **трибуналом комитата** в качестве богохульника, подстрекателя]

Already I have appeared before the **consistory** and before the **county court**, accused of impiety and sedition. [Sons, 47]

Латинское слово *consistorium* [консистерия] употреблялось в разных странах, однако в зависимости от страны его значение варьировалось. В Австро-Венгрии консисторией называли орган церковно-административного управления при епископах. Английское слово *consistory*, выступающее в качестве функционального аналога, согласно данным словарей, имеет несколько значений: совет кардиналов в Римско-католической церкви; суд, возглавляемый епископом, отправляющий правосудие в соответствии с церковным правом в епархии в Англиканской церкви; местный административный орган в других церквях [Oxford]. Таким образом, значение английского аналога шире, более того, прежде всего, ассоциируется с Римско-католической, либо Англиканской церковью, что свидетельствует о возможности неверного восприятия реалии англоязычным реципиентом ввиду подмены коннотативного значения.

Другой орган власти, встречающийся в примере (36), *megyei törvényszék* [трибунал комитата] является судом для осуществления правосудия по делам в определённом комитате. Перевод на английский — *county court* — как и в примерах (33) и (34), отсылает читателей скорее к реалиям англоязычных стран.

2.3.3. Общественно-политическая жизнь

В данную группу реалий входят следующие типы реалий: 1) политическая деятельность и деятели, 2) патриотические и общественные

движения (и их Деятели), 3) социальные явления и движения (и их представители), 4) звания, степени, титулы, обращения, 5) учреждения, 6) учебные заведения и культурные учреждения, 7) сословия и касты (и их члены), 8) сословные знаки и символы.

Изучение всего корпуса примеров позволило выделить реалии, относящиеся к патриотическим и общественным движениям, а также обращения.

Для начала рассмотрим пример реалии, обозначающей представителя патриотического движения:

(37) Tetszik tudni, ő nagy oligarcha volt, én pedig egy kicsit **kuruc legény** vagyok. [Ember fiaí, 44]

[Знаете ли, он был крупным олигархом, а я же немного **парень-куруц.**]

You must first understand that the squire was a great oligarch, while I am nothing but a poor **country parson**. [Sons, 47]

Историческая реалия *kuruc* [куруц] относится ко времени восстания Ракоци (н. XVIII в.), когда население Венгрии разделилось на два лагеря — куруцов, стремившихся добиться независимости от империи Габсбургов, и сражавшихся с ними лабанцов. В более поздние периоды истории куруцами стали называть венгров, которые выступали против абсолютной власти Габсбургов и были готовы сражаться за независимость Венгрии. Для романа «Сыновья человека с каменным сердцем» эта реалия является ключевой, поскольку действие романа разворачивается на фоне венгерской революции 1848-1849 годов. В примере (37) слово *kuruc*, выступающее в данном случае в качестве определения к слову *legény* [парень], отражает политические взгляды героя. Переводчик обращается к приёму генерализации, сводя антигабсбургские взгляды героя до патриотических чувств.

В других случаях реалия *kuruc* встречается в отрывках текста, не переведённых на английский язык, следовательно, переводческий анализ вариантов перевода провести не представляется возможным.

Система обращений в венгерском языке представлена довольно широко как для письменного, так и устного общения, в связи с чем вопрос передачи таких единиц лексики при переводе остаётся актуальным. Рассмотрим пример неформального обращения:

(38) Megértem Toni Waldhütter **bácsit**, az italomra kényes vagyok magam is.
[Sinistra, 81]

[Понимаю **дядю** Тони Вальдхюттера, я тоже избирателен в напитках.]

I understand, **Mr.** Toni Waldhütter — I too am picky about my drinks.

[Sinistra Zone, 49]

Реалия *bácsi* [дядя, дядюшка] используется в неформальном общении при обращении к хорошо знакомому мужчине средних лет, несмотря на то, что в примере (38) обращение сопровождается полным именем. В английском предложении в качестве функционального аналога употребляется слово *Mr.* (Mister), которое обычно употребляется в официальном общении, либо при обращении к незнакомому человеку, часто с целью нанести оскорбление. Следовательно, такая замена искажает коннотативное значение реалии и влияет на восприятие реципиентами отношений между говорящими.

Кроме того, при переводе обращений на английский язык были выявлены случаи их передачи с помощью слов немецкого языка:

(39) Tehát Zófia **asszony** is otthon maradhatott. [Arany ember, 106]

[Итак, **госпожа** Жофия тоже могла остаться дома.]

Frau Sophie was delighted to be allowed to stay at home one day in the year [...]. [Timar, 105]

(40) Fabula **uram** nagyot köhintett rá, s azt mondta, hogy meg lehet próbálni.
[Arany ember, 54]

[**Уважаемый** господин Фабула сильно кашлянул в ответ и сказал, что можно попробовать.]

Herr Fabula cleared his throat violently, and said, "We can but try." [Timar, 58]

В обоих вышеприведённых примерах обращения *asszony* [обращение к замужней или разведённой даме, вдове] и *urat* [уважаемый господин] переданы с помощью иностранных обращений, заимствованных из немецкого языка, что создаёт тексту скорее немецкий, нежели венгерский колорит. Более того, стоит отметить, что обращение *urat* интересно тем, что, с точки зрения формообразования, данное слово представлено в притяжательной форме 1-го лица единственного числа, то есть дословно переводится как *мой господин*, образовано от слова *úr* [господин]. Такая форма может служить для выражения особого уважения по отношению к человеку, либо, как в данном случае, для создания иронического эффекта.

В ходе анализа текстов были также обнаружены случаи, когда обращения не были переведены:

(41) Ismertem ezt az **urat**, mikor még szegény hajóbiztos volt [...]. [Arany ember, 270]

[Я знал этого **господина**, когда он был ещё бедным корабельным комиссаром]

I knew this **Timar** when he was a poor skipper [...]. [Timar, 239]

В данном случае обращение *úr* опущено, но вместо него указано имя персонажа, к которому обращение относится. Следовательно, опущение реалии не влияет на восприятие текста, кроме того, в художественном переводе оно допустимо и оправдано.

Итак, в ходе анализа корпуса примеров общественно-политических реалий были обнаружены реалии, относящиеся к административно-территориальному устройству, органам и носителям власти, общественно-политической жизни. Примеров военных реалий выявлено не было. С точки зрения способов передачи единиц БЭЛ, можно выделить следующие приёмы: употребление функционального аналога (*vármegye* – *county*), генерализация (*kuruc* – *country*), опущение (*főispán* – *нет перевода*).

Выводы по главе 2

В результате анализа корпуса примеров реалий, выявленных в ходе анализа произведений венгерской художественной литературы, и переводов этих реалий на английский язык, были определены основные тенденции передачи данных единиц БЭЛ.

Итак, для передачи венгерских реалий на английский язык в проанализированных текстах использовались следующие приёмы:

- употребление функционального аналога
- генерализация
- перенос реалии с сохранением оригинального написания
- описательный и приближенный перевод
- опущение

Кроме того, стоит обратить внимание на то, что в некоторых случаях наблюдалась комбинация нескольких приёмов. Исследование позволило выявить следующие варианты комбинирования:

- употребление функционального аналога и конкретизация
- употребление функционального аналога и генерализации
- описательный перевод и генерализация
- описательный перевод и конкретизация

Как уже упоминалось в Главе 1, выбор стратегии перевода простых языковых знаков, в данном случае — реалий, влияет на стратегию перевода всего текста. Результаты исследования на данном материале показывают, что произведённый выбор приёмов передачи единиц БЭЛ в основном способствует потере национального колорита как самой переводимой реалии, так и всего текста. Наблюдались случаи подмены национального колорита, когда в попытке заменить венгерскую реалию переводчик прибегал к использованию такого английского слова, которое в данном контексте может выполнять функцию аналога ввиду эквивалентного денотативного значения, но при этом коннотативное значение которого отличается так, что у носителей ПЯ перевод вызывает ассоциации не с культурой Венгрии, а с культурой другого народа. В большинстве случаев такая стратегия перевода, точнее доместикация, способствует стиранию границ между венгерской и принимающей культурами.

Однако в редких случаях в проанализированном материале были установлены приёмы, характерные для переводческого выбора стратегии форенизации, а именно перенос реалии с сохранением оригинального написания. Тем не менее, следует также отметить, что при передаче реалий с сохранением оригинального написания переводчики не сопровождали реалии ссылками или комментариями. Такой подход может затруднять понимание реципиентами как денотативного и коннотативного значения реалии, так и всего текста, хотя в рассмотренных примерах читатель может из контекста

понять по крайней мере в общих чертах значение слов, оригинальное написание которых сохраняется в тексте перевода.

Заключение

В настоящей магистерской диссертации мы рассмотрели проблему перевода венгерских реалий на английский язык на материале художественных произведений Адама Бодора «Зона Синистра», Иштвана Галла «Солнцелюб», Мора Йокаи «Золотой человек», «Сыновья человека с каменным сердцем» и переводов этих произведений на английский язык.

Материалы, почерпнутые нами из научной литературы и приведённые в Главе 1 (см. с. 6 – 26), наглядно показывают, что проблема перевода реалий является актуальной и обсуждаемой. Однако в рамках рассматриваемой пары языков данной тематике уделялось крайне мало внимания. Тем не менее, очевидна как научная, так и практическая значимость данной темы.

Для достижения цели, поставленной в нашем исследовании, мы изучили теоретическую базу по данной теме (см. с. 6 – 8, 12 – 16),

рассмотрели особенность художественного перевода и основные стратегии (см. с. 8 – 12), определили понятие «реалия» и рассмотрели особенность реализации реалий в художественном тексте (см. с. 16 – 21), а также привели классификацию и способы перевода реалий, предложенные лингвистами (см. с. 21 – 24).

Вторая глава нашей работы посвящена анализу наиболее интересных вариантов перевода реалий, которые были выявлены в ходе выборки и составления корпуса примеров, который представлен в Приложении (см. с. 67 – 70). Корпус примеров насчитывает 82 примера венгерских реалий, также здесь приводятся варианты перевода этих реалий в соответствующих отрывках текста английского перевода и перевод этих реалий на русский язык.

Примеры реалий были поделены в соответствии с классификацией С. Влахова и С. Флорина на три большие группы: 1) географические реалии, 2) этнографические реалии, 3) общественно-политические реалии. Далее в Главе 2 (см. с. 27 – 60) мы привели различные варианты перевода реалий по группам и подгруппам. В результате сравнительно-сопоставительного и переводческого анализа мы выделили следующие приёмы передачи реалий с венгерского на английский: употребление функционального аналога, генерализация, перенос реалии с сохранением оригинального написания, описательный и приближенный перевод, опущение, а также комбинации приёмов, такие как употребление функционального аналога и конкретизация, употребление функционального аналога и генерализации, описательный перевод и генерализация, описательный перевод и конкретизация.

Как мы уже говорили, выбор способа передачи реалий влияет на стратегию перевода всего текста. В основном, все перечисленные способы передачи реалий за исключением переноса реалии с сохранением оригинального написания способствуют стиранию границ между венгерской и принимающей культурами, иными словами, выбирая такие приёмы, переводчик выбирает стратегию доместикации. Однако в случае переноса

реалии с сохранением оригинального написания мы имеем дело со стратегией форенизации, которая в проанализированном материале встречалась очень редко, что свидетельствует о том, что венгерская культура и её особенности, а также сама картина мира плохо представлены в принимающей, то есть английской и американской культурах.

В заключение, следует подчеркнуть, что нами системно представлен материал, описывающий различные виды реалий, встречающиеся в художественной литературе, а также постоянные и окказиональные варианты перевода этих реалий. Выводы, к которым мы пришли в ходе изучения данной проблемы, и иллюстративные материалы могут быть использованы для дальнейших исследований в этой сфере, а также могут быть полезны литературоведам и переводчикам художественной литературы.

Список научной литературы

1. Бардухаров. Л. С. Язык и перевод. (Вопросы общей и частной теории перевода) М.: Международные отношения, 1974. — 240 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. — 246 с.
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, — 224 с.
4. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Издательство Московского университета, 1978. 172 с.
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М.: Международные отношения, 1980. — 340 с.

6. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика: Учебное пособие. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. — 192 с. 155 – 167 с.— (Перевод. Язык. Культура.)
7. Казакова Т. А. Художественный перевод. Учебное пособие. — Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2002. — 113 с.
8. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М., «ЧеРо», 1999 — 132 с.
9. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.
10. Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык / Вопросы и методики учебного перевода. — М.: 1950 — 156 – 178 с.
11. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода/ Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. — 3-е изд., стереотип. — М.: «Р. Валент», 2007 — 244 с.
12. Соболев Л. Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1952. — 324 с.
13. Толковый переводоведческий словарь. - 3-е издание, переработанное. — М.: Флинта: Наука. Л.Л. Нелюбин. 2003.
14. Томахин Г. Д. Реалии — американизмы. Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1988. — 239 с.
15. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
16. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 151-154. ISSN 1997-2911. // Паревская И. С. "НЕПЕРЕВОДИМОЕ В ПЕРЕВОДЕ" ИЛИ К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СПЕЦИФИКЕ РЕАЛИЙ

17. Чернов Г.В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык. // Ученые записки 1-го МГПИИЯ, т. XVI. / Г.В. Чернов. — М., 1958. — С. 223.
18. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М.: Наука, 1988. — 215 с.
19. Catford, J. C. A Linguistic Theory of Translation: an Essay on Applied Linguistics. London: Oxford University Press, 1965. — 103 p.
20. Holmes, James Stratton. 2004. The Name and Nature of Translation Studies. // Venuti, L. (red.). The Translation Studies Reader. London/New York: Routledge. 172 – 185 p.
21. Honti Enikő. A reáliák fordítása, Miskolc, 2010.
22. Klaudy Kinga, Simigné Fenyő Sarolta, Angol—magyar fordítástechnika, Nemzeti Tankönyvkiadó, Bp., 1996. 292 o.
23. Klaudy Kinga. A fordítás elmélete és gyakorlata. (1997) A fordítás elmélete és gyakorlata: angol/német/francia/orosz fordítástechnikai példatárral. 3. bőv. kiad. Budapest: Scholastica Kiadó. 417 o.
24. Nida E. Towards a science of translating. Leiden: Brill, 1964. — 273 p.
25. Olive Classe. Encyclopedia of Literary Translation Into English: Volme I, A-L. London, Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 2000. — P. 887 p.
26. Terestyényi Enikő. Translating Culture-specific Items in Tourism Brochures // Journal of Translation and Interpretation [online], 2011, vol. 5, no. 2 [cit. 2011-11-21].
27. Venuti, L. Strategies of Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies Reader / Ed. By Mona Baker. — London & New York, 2005. — 654 p.
28. Venuti, L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. London: Routledge, 1999 — 210 p.
29. Venuti, L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. London and New York: Routledge, 1995. — 365 p.

Список источников

1. Bodor Ádám. Sinistra körzet, Magvető Könyvkiadó, Budapest, 1992 (Sinistra).
2. <http://mek.oszk.hu/00600/00688/00688.pdf> “Jókai Mór. Arany ember” (Arany ember).
3. <http://mek.oszk.hu/02500/02548/02548.pdf> “Gáll István. A napimádó” (Gáll).
4. <http://mek.oszk.hu/02500/02549/02549.pdf> “István Gáll. The Sun Worshiper” (Worshiper).
5. <http://www.gutenberg.org/ebooks/34674> “Mór Jókai. The Baron's Sons” (Sons).
6. <http://www.gutenberg.org/files/31409/31409-h/31409-h.htm> “Mór Jókai. Timar's Two Worlds” (Timar).
7. https://books.google.ru/books/about/The_Sinistra_Zone.html?id=cSBvAAAAQBAJ&redir_esc=y “Ádám Bodor. The Sinistra Zone” (Sinistra Zone).
8. Jókai Mór. A köszívű ember fiai, Kossuth Kiadó, 2009 (Ember fiai).

Список лексикографических источников

1. Толковый переводоведческий словарь. - 3-е издание, переработанное. — М.: Флинта: Наука. Л.Л. Нелюбин. 2003.
2. Философская Энциклопедия. В 5-х т.— М.: Советская энциклопедия. Под редакцией Ф. В. Константинова. 1960—1970.
3. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983.

4. [http:// szojelentese.com](http://szojelentese.com) (Szo)
5. <http://dictionary.cambridge.org> (Cambridge)
6. <http://mek.oszk.hu> (MEK)
7. <https://en.oxforddictionaries.com> (Oxford)
8. <https://www.britannica.com> (Britannica)
9. <https://www.merriam-webster.com> (MW)

Приложение 1

Корпус примеров

1. География

	alföldi magyar róna	great Hungarian plains	Альфёлдская венгерская долина
	Alföld	the flax districts of Hungary	Альфёлд
	Alföld	-	Альфёлд
	alföldi	-	альфёлдский
	alföldi puszta	-	альфёлдская пуста
	puszta	-	пуста
	puszta	out in the open country	пуста
	Baja	the Lower Danube	город Байя
	Baja	Baja	город Байя
	szarvasbogár	cockchafer	жук-олень

2. Этнографические реалии

Быт

Пища и напитки, бытовые заведения		
haricska	buckwheat	греча (диалектное название)
haricskapuliszka	stirabout	кукурузно-гречневая каша
puliszka	mush	кукурузная каша
pálinkacsapszék	little inn	питейное заведение, где главным образом предлагают палинку
pálinka	brandy	палинка (фруктовая водка)
szalonna	bacon	сало
pálinkás butykos	brandy-flask	фляга для палинки
butykos	brandy-flask	фляга в основном для палинки
egy korty pálinkával	a pull at his bottle	(глоток) палинки
szederpálinka	blackberry brandy	ежевичная палинка
pálinka	plum brandy	палинка
pálinka	booze	палинка
pálinka	drink	палинка
mézeskalács	honey-cake	медовый калач
ital	brandy	напиток (подразумевается палинка)
gulyáshús	-	мясо для гуляша
Одежда, обувь, головные уборы, украшения		

	mándli	coat	деревенское мужское короткое суконное пальто
	daróc	-	грубое шерстяное сукно
	süveg	fez	крестьянская шапка из войлока с мехом
	daróc	frieze coat	деревенское мужское короткое суконное пальто
Жилье, мебель, посуда и другая утварь			
	lóca	bench before the door	деревенская лавка
	lóca	bench	деревенская лавка
	lóca	seat	деревенская лавка
Транспорт			
	dereglye	barge	на языке дунайских моряков открытая лодка для транспортировки грузов на берег

Труд

	alföldi gulyás	cattle-raisers and ox-herds	альфёлдский пастух крупного рогатого скота
	gulyás	ox-herd	пастух крупного рогатого скота
	lóhajcsár	team-driver	погонщик лошадей
	hajcsár	cattle-dealer	погонщик скота

Искусство и культура

	Фольклор
--	-----------------

	népmonda	legend	народное предание
	népekekesekek danái	national songs	стихи, исполняющиеся под музыку, или же народные песни
	tündérrege	fairy tale	предания, сказания, легенды о феях
	rege	story	предание, сказание, легенда
	rege	legend	предание, сказание, легенда
	regék	legends and anecdotes	предания, сказания, легенды
Карточные игры			
	ulti	ulti	ульти
	ulti	cards	ульти
	máriás	pinochle	марьяж

Этнические объекты

	tót	-	словак
--	-----	---	--------

Меры и деньги

	Единицы мер		
	láb	-	фут
	láb	foot	фут
	öl	six-foot	сажень
	ezeröl	mile	тысяча саженей
	öl	fathom	сажень
	öl	yard	сажень
	mértföld	mile	миля

mértföldnyi (távolból)	from afar	с многомильного (расстояния)
ötmázsás	five hundred-weight	пять центнеров, пудов
mázsányi	heavy	весом в центнер, пуд
hüvelyk	inch	дюйм
Денежные единицы		
forint	florin	форинт
forint	forint	форинт
forint	gulden	форинт
krajcár	kreutzer	крейцер

3. Общественно-политические реалии

Административно-территориальное устройство		
vármegye	county	комитат, область
megye	county	комитат, область
vármegye	-	комитат, область
Органы и носители власти		
megyeegyülés	county assembly	областное собрание
megyei törvényszék	county court	областной трибунал, трибунал комитата
consistorium	consistory	консистория
főispán	lord-lieutenancy of the county	главный жупан
főispán	-	главный жупан
Общественно-политическая жизнь		
kuruc	-	куруц
kuruc legény	country parson	парень-куруц
megyei kurucok	political opponents	куруцы из комитата

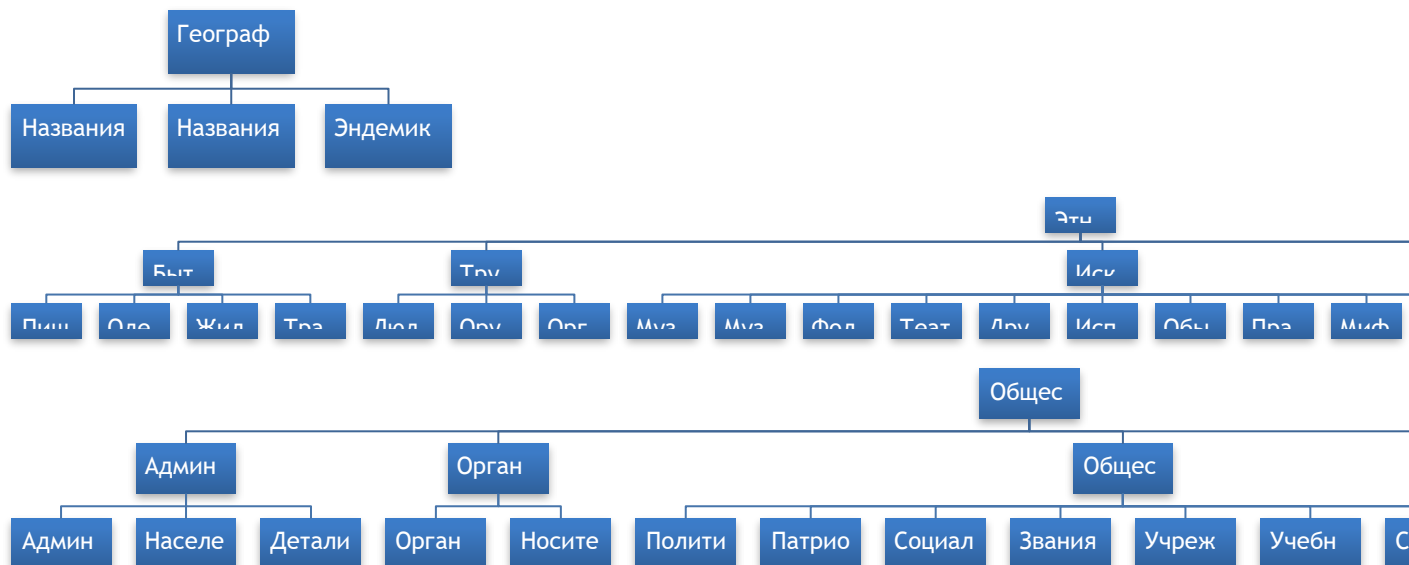
	asszony	frau	обращение к замужней или разведённой даме, вдове
	kisasszony	Miss	обращение к незамужней, молодой девушке
	úr	herr	господин
	uram	herr	уважаемый господин
	úr	Timar	господин
	kegyed	Miss	Ваша милость
	bácsi	Mr.	дядя

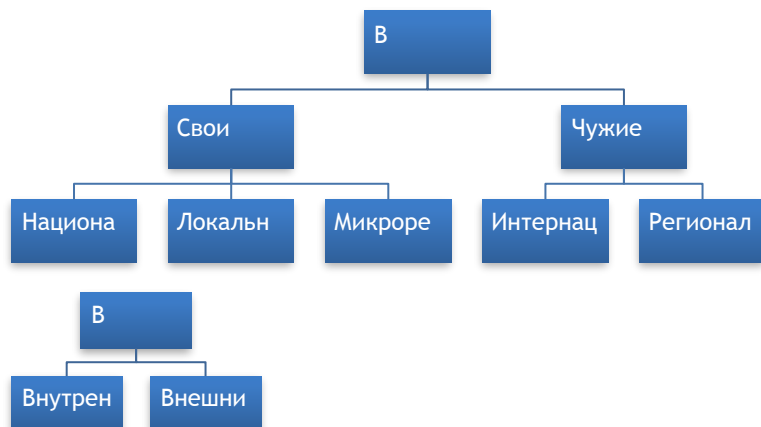
Приложение 2

Классификация реалий (по С. Влахову и С. Флорину)

I. Предметное деление

II. Местное деление

III. Временное деление

